

В Татьяна Веденская

Содержанки

роман

18+

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта

Татьяна Веденская

Содержанки

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4885315*

Содержанки : роман: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-60780-8

Аннотация

Если ты красавица и умница, если сама выбираешь мужчин и умело используешь их материальные ресурсы – тебя с полным правом можно назвать победительницей! Так до недавнего времени считала Юлия Твердая – девушка, прекрасная во всех отношениях. Ну и что с того, что она содержанка? Содержанка не шлюха! Ну да, она продает свою красоту. Но она живет лишь с одним мужчиной! И только одному позволяет ее любить – тому, кто щедро оплачивает ей элитное жилье, дорогую машину, драгоценности... Скажете, это нечестный обмен? В наш-то век, где все имеет цену и за все нужно платить? Абсолютно честный! А любовь...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1, в которой я сама, по доброй воле, открываю дверь фирмы FBC (4200\$ США)	4
Глава 2, в которой речь идет о Mini Cooper (60 000 \$ США)	21
Глава 3, в которой фигурирует мой шкаф- купе фирмы Mr. Doors (11500 \$ США)	39
Глава 4, в которой я провожу операцию «Альдзеро» (1000 \$ чистыми)	59
Глава 5, в которой я использую комплект № 4 (800 \$ США)	80
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Татьяна Веденская

Содержанки

Все события, описанные в книге, являются вымышленными. Любое совпадение или частичное совпадение имен, названий организаций и/или служб, так же, как и ситуаций, является случайным и ненамеренным.

Данное художественное произведение предназначено для чтения лиц старше 18 лет.

Часть первая

Лучшие друзья – девушки-содержанки

Глава 1, в которой я сама, по доброй воле, открываю дверь фирмы FBC (4200\$ США)

Регулярная забота о здоровье не всегда безопасна. Иногда она может дать ровно противоположный эффект. Но куда

денешься, если здоровье – это мой основной капитал. Кто-то, возможно, скажет, что красота, но я не соглашусь. Правда была моя Адочка: красоту нарисовать любая дура сможет при определенном умении, а вот хороший мышечный тонус и способность пробежать десятикилометровый кросс ни за какие деньги не купишь. Зато можно вполне выгодно продать.

Итак, самое главное! Заповеди красивой и здоровой женщины: нужно обязательно пить побольше воды, причем простой, чистой, без газа и уж точно (упаси боже) без сладких вкусовых добавок. Газировка с сахаром – чистое орудие дьявола. Питаться же надо зеленым салатом и духовными ценностями. Особенно такая диета рекомендуется на мероприятиях. Имеются в виду всевозможные фуршеты, клубные вечеринки и party по случаю премьер или дней рождений каких-нибудь публичных деятелей. Кормят там, поверьте, не пойми чем, потому что еда на этих мероприятиях не главное. Вы что, жрать сюда пришли? Вы в своем уме? Вон в углу Анна Семенович стоит, два часа цедит один и тот же бокал шампанского. Берите с нее пример.

В ресторанах есть, конечно, можно. В некоторых. В «Третьяков-лаунж», например, очень даже можно или на «Балконе», но дорого. Девушкам моего положения пристало скорее делать вид, что мы можем себе это позволить, нежели на самом деле вести образ жизни стоимостью в сотни тысяч долларов. Если и на самом деле так жить, все может закон-

читься плохо. Деньги имеют поганое свойство проскальзывать сквозь пальцы и утекать. Большие деньги – особенно. А когда доход (если можно это назвать так) не стабилен, лучше быть умной девочкой и прятать заработанное в укромных уголках или «случайно» оставлять в карманах как можно больше. На черный день.

А кроме этого, каким бы крутым и качественным ни был ресторан, вы можете быть на сто процентов уверены, что вас там накормят чем-нибудь нехорошим – жирным или быстроуглеводным. Зачем? Если можно не мучиться, купить салат в «Азбуке вкуса» – один на весь день – и не переживать.

– Что вы будете?

– А какой у вас суп дня?

– Гаспаччо с крабом.

– Ой, нет. Не хочу. Ничего не хочу. Принесите кофе. Эспresso. Нет, лучше капучино, только эту вашу жуткую корицу не сыпьте. – Капризничать тоже надо уметь. Но это, конечно, когда есть зритель.

Здоровье важно. Необходимо высыпаться, а с этим у меня проблем нет. Я приучила всех к тому, что Юлечка раньше двенадцати дня даже и глаз не открывает – только попробуй позвони. Тучки и взбучки обеспечены! Правда, за окном у меня теперь идет стройка, и это самый настоящий кошмар. Слава богу, жители написали жалобу и по ночам строить перестали. Но с восьми утра грохочут какими-то балками, орут, клацают железками – изверги рода человеческого.

Хочешь спать – закрывай ставенки, и никакого тебе свежего воздуха. Сон красоты без воздуха – это деньги на ветер. Но тут уж ничего не поделаешь. Если город решил построить еще одну коробку для дорогих москвичей – его ничем не унять. Ладно, дышать будем за городом. Или, даже лучше, за границей. Что-то я уже с полгода никуда не летала. Непорядок.

Если стало совсем невмоготу, можно снять стресс йогой. Из всех спортивных нагрузок занятия йогой лучше всего позволяют организму не только натренироваться, но и укрепить мышцы. Йога приводит в баланс все энергетические уровни, снимает стресс, улучшает кровообращение... Бла-бла-бла. Впрочем, нельзя быть несправедливой. Йога – хорошая вещь. Обычно. Но не сегодня. И не для меня.

Я лежу на полу в гостиной, на упругом сине-голубом коврике для занятий и постанываю от боли. Лежу я так уже минут сорок, по моим прикидкам. Может, больше. Точнее сказать не могу – часов на стене у меня нет (кстати, упущение), есть только настольные часы – жуткая вещь, фарфоровая, с толстыми ангелочками-купидами и цветами. Свинтус упоминал, что она стоила две штуки баксов. Мне нужен был будильник, и Свинтус притащил это чудовище. Ангелы там большие, а циферблат маленький. И вообще – ужасно пошлая и вульгарная штуковина, но убрать (тем более продать) не могу. Свинтусу нравится.

С того места, где я застыла в странной позе на коврике,

ангельских часов видно не было, приподняться и повернуться немного вправо я не могла. Черт его знает, что случилось со мной в процессе исполнения Хавасаны, но при малейшем намерении пошевелиться всю спину, весь мой позвоночник пронизывала острая, режущая боль. Я могла только немного поворачивать голову из стороны в сторону. Справа – батарея под окном, слева – видно нижнюю часть массивного массажного кресла (еще одно дикое приобретение Свинтуса) и входную дверь в квартиру. Дизайнер, когда делал мне дизайн-проект квартиры, измучился, так как я требовала втиснуть в стандартные метры большую-пребольшую гостиную. В итоге он решил задачу просто и гениально, объединив прихожую, коридор и одну из комнат. Получилось здорово. Да, самой себе я это могу сказать. С самой собой мне незачем разыгрывать спектакли, верно? Это Свинтусу я выкрутила и снесла весь мозг, требуя, чтобы кафель в ванной комнате был не просто белоснежный, а с оттенком морозного инея. Это ему я отказывала в интимной близости целый месяц только потому, что ковер, который выбрала, оказался в единственном экземпляре и его кто-то купил раньше нас.

– Но я же привез тебе ковер даже дороже! Люлечка, я ведь не могу выкрасть твой чертов ковер? Что ты предлагаешь? Конфискацию устроить?

– Я ничего не предлагаю. Мне все нравится. И ковер этот, – тут я опускаю глаза вниз и тяжело вздыхаю, – мне тоже нравится.

– Тогда что?

– Просто я не в настроении. У меня голова болит. Я, кажется, заболела.

– Ты меня достала. Достала! – кричал он в таких случаях и уходил, хлопнув дверью. А она, кстати, – дверь – тоже стояла ему целого состояния.

Я только усмехнулась про себя. Достала? Отлично. Если мужиков не доставать и не нервировать, они становятся ослабленными и скучающими. А это не входит в программу мероприятия.

Мне нравится моя квартира (ужасные часы прошу в расчет не брать), нравится строгая черно-красная кухня, агрессивная и не вызывающая аппетита. Пусть Свинтус ест дома. Еще не хватало, чтобы я ему готовила. Я ему кто – жена?

Я не совсем в восторге от лепнины на потолке, окруженной какой-то дикой кучей художественно разбросанных по гипсокартону лампочек, но кто, скажите, будет пристально рассматривать потолок?

Хотя сейчас, лежа на коврикe, у меня появились время и возможность все это безобразие оценить. Смотреть вверх я тоже могла с легкостью. Больше – ничего.

Что делать дальше – я совершенно не представляла. О том, чтобы двинуться или перевернуться, не шло и речи. Боль была адская. Защемление нервов? Смещение диска? Перелом? Вывих? Все варианты были одинаково неприем-

лемы для меня. Черт бы побрал этих йогов и их убаюкивающие комментарии, что все делается мягко, без усилий, только для пользы и внутреннего баланса.

Баланс, как говорится, налицо. Лампочек в потолке – двенадцать штук. Восемь больших и одиннадцать маленьких. У батареи двенадцать секций. Около двери стоит четыре пары обуви и лежит несколько едва заметных клубков пыли. Я пересмотрела и пересчитала все, что только могла, раз по сто, а ситуация так и не улучшилась. Я уже начала смиряться с мыслью, что вот так буду валяться вплоть до прихода Свинтуса, который, возможно, заедет вечером, а возможно, и не заедет – как пойдет.

С учетом того, что сейчас (приблизительно) было около часа дня, перспектива не радовала. Можно было бы, конечно, ему позвонить, но для этого бы потребовался мобильный телефон, а он, по моим прикидкам, был брошен мной вместе с айпэдом в машине. Ключи от машины в моей сумке, сумка – в спальне, дверь в спальню – закрыта, ручка высоко, не достать. Ни одного шанса. Кроме того, машина в гараже, гараж в подвале, а в подвал нужно спускаться на лифте. А там еще идти. Да уж, мобильный телефон мне недоступен. Стационарного в моей квартире нет. Дом-то новый.

Значит, придется просто ждать. Я снова обратила взор к небесам (а именно к лампочкам на потолке) и прикрыла глаза. Уснуть бы, а там вдруг все как-нибудь само рассосется. В одном я теперь точно была уверена – никогда больше

не стану оздоравливаться и добиваться баланса жизненных энергий с помощью йоги.

– Этого следовало ожидать! – сказала я громко. Собственный голос показался мне совсем чужим, но лежать просто так мне наскучило. – Это было неизбежно! – продолжила я. – Что в этом удивительного? Это же ты, Юлечка. Уж если надо для мировой гармонии кому-то что-то сломать или вывихнуть – судьба всегда выберет тебя!

Я попробовала подтянуться на руках. А-а, не получилось. Боль пронзила снова, лицо покрылось потом, и я тяжело задышала.

– Ну и сучья у меня карма! – крикнула я. – Что теперь? Рухнет дом? Чего тебе от меня надо?

Я рассмеялась, утирая слезы. Смех был горьким. Ну почему, почему всегда это происходит со мной? Я что – такой плохой человек? Я кому-то мешаю в системе мироздания?

Может, кому-то мои стенания покажутся надуманными, но только не мне. Жизнь проявляет ко мне персонально своеобразное чувство юмора. Бомба не должна падать в одно место дважды, но только не в моем случае.

Судьба! Если бы не защемило что-то там в спине, я бы вывихнула шею или сломала руку. Ноги я уже ломала – два раза, причем оба раза одну и ту же. Вторая пока целая, но, я полагаю, это только вопрос времени.

Вот так я лежала в полном бессилии и смеялась над иронией моей странной судьбы, когда в дверь позвонили.

Я никого не ждала. И это не мог быть Свинтус – у него есть ключи. Звонил кто-то чужой, но кто бы это ни был, он пришел в мою жизнь очень вовремя. Этот кто-то имел две неповрежденных ноги и руки и мог позвонить, вызвать «Скорую помощь», притащить какого-нибудь врача, в общем, сделать что-нибудь. Помочь мне.

– Я здесь! Я сейчас! – закричала я громко, потому что боялась, что, пока соображу, как доползти до входной двери (метра два, два с половиной), этот вестник свободы передумает и исчезнет. – Я уже иду!

Иду – это было сильно сказано. Кричать – это одно, а делать – совершенно другое. Я попыталась повернуться на бок, но это был плохой план. Он отнял у меня несколько минут, которые я провела рыча и матерясь от боли. Тогда я решила пойти (вернее, поползти) другим путем. Воспользовавшись стилем паука, я уперла руки в пол, согнула ноги в коленях и принялась толкать себя вместе с ковриком в сторону двери.

– Только не уходите! – крикнула я на всякий случай.

Словно в ответ на мои молитвы человек за дверью снова нажал на кнопку звонка, и надо мной, услаждая слух, полетела птичья трель.

– Да-да, я сейчас!

Дело двигалось. Хорошая штука – адреналин. Обезболивает и придает сил. Я ползла, стараясь не думать о том, как эта спортивная каракатица посмотрится со стороны. Впрочем,

какое мне дело, кто и что обо мне подумает? Еще вопрос – кто? Может, консьержка? Пришла спросить, когда я перестану хлопать входной дверью и начну ее придерживать? Клянусь, что с этого же дня и начну! Только почините меня, чтобы я могла вообще дойти до двери. Или это дворник? Я опять выкинула мусор из машины на пол гаража? Могла, каюсь. Этой ужасной привычке я научилась у Свинтуса.

– У нас полный город черножопых¹, им платят, чтобы они убирали мусор. Вот пусть и убирают, – говорил он, вышвыривая в окно пустые пачки из-под сигарет и стаканы из-под молочных коктейлей, которые обожает и пьет литрами. Свинтус – патологический чистюля, но чистота ему нужна только на его территории: в машине, в лифте его дома, на кухне. А на улицах города – пусть черножопые убирают, им за это платят.

Да, это было плохо, так делать нельзя. Тем более наш дворник Тимофей, к примеру, совершенно «беложопый» (извиняюсь за мой язык, груба, груба) и русский, – тут

---

¹ Появление данной (и подобных ей) фразы в произведениях вызвано тем фактом, что таковые «мнения», выражения и «позиции» я слишком часто слышу и встречаю в жизни от людей, считающих себя вполне воспитанными и даже «культурными». Являясь искренним сторонником полного равенства и равноправия людей, я глубоко возмущена отвратительным проявлением расовой и гражданской дискриминации, получившей распространение сегодня. Осознавая в полной мере, насколько дико звучат такие слова из уст героя, я решила записать подобные «мнения» в том виде, в котором они были мною услышаны от реальных лиц. Надеюсь, что речь персонажа вызовет в читателях протест против шовинистических настроений. *Прим. авт.*

был и вовсе ни при чем. Но Свинтус – природный хам и придурок, так что ему все равно ничего доказать нельзя.

– Ну и что дальше? – Я выдохнула и огляделась по мере возможности.

Дверь теперь была в пределах моей досягаемости, то есть я могла прикоснуться к ней рукой или ногой. И что? Замки – а они у меня ой какие хорошие, аж две штуки – располагались намного выше. Их требовалось открыть, для этого нужно было приподняться, а этого я и не могла сделать.

Я вдохнула побольше воздуха, зажмурилась, уперла одну руку в пол, а другую вытянула и рвану-у-ула...

– А-а-а! – заорала я.

Однако крутануть ручку одного из замков мне все-таки удалось. Второй замок, слава богу, открывался нажатием кнопки. До нее можно было попробовать дотянуться ногой, но сначала мне требовалось немного отлежаться. Я крикнула:

– Вы еще там?

– Да! – раздался незнакомый женский голос.

Все-таки консьержка?

– Секундочку! – взмолилась я, после чего прицелилась и принялась поднимать ногу.

Не могу сказать, что это было легко: это было очень, очень тяжело и больно, но я дотянулась. Минут за пять, однако смогла.

– Открывайте!

– Я? – спросил голос.

– Да, вы. Я не могу. Я замок открыла. Только резко не дергайте, а то я тут лежу... – попросила я, но, похоже, меня не услышали.

Дверь распахнулась скорее резко, чем мягко. Резче, чем это было необходимо, уж точно. Если я вот так открываю двери в подъезде, неудивительно, что консьержка меня терпеть не может. Что ж, сейчас это не важно. Сейчас она должна в любом случае проявить человеколюбие и помочь мне.

– Ай! – вскрикнула я, получив дверью по бедру.

– Извините, – пробормотала гостья.

Я так и не поняла кто она, но точно знала – это не наша консьержка. Я не могла увидеть многого со своей позиции, распластавшись на кафельном покрытии (Испания, авторская коллекция, 200 \$ за кв. метр), но консьержка у нас носила старые стоптанные тапки и трикотажные чулки (б-р-р, мерзость!), гостья же была обута в высокие сапоги из тонкой кожи бежевого цвета, явно дорогие, со сложной вышивкой на голенище. Сапоги были совершенно чистые, что тоже не сочеталось с образом нашей консьержки.

Я посмотрела выше: телесного цвета колготы на довольно коротких и полных, если быть честной, ногах. При такой длине ног нужно, по крайней мере, сделать, чтобы они были вдвое тоньше. Длина платья с моего места казалась чересчур смелой. Слишком многое было доступно моему взору. Платье было синим, это все, что я могла сказать. Дальше мне

было видно плохо. Сверху на меня удивленно смотрело женское лицо округлой формы, с достаточно большими глазами и ярко накрашенными губами. Помада вишневого цвета не слишком-то идет блондинкам, это скорее вариант для Белоснежек (белая кожа, черные волосы, вишневые губы). Тут был налицо (вернее, на лице) серьезный загар. Скорее всего, не обошлось без бронзатора. Я бы даже могла назвать приблизительно марку бронзатора, который делает загар таким неровным. Больше я ничего не могла сказать об этом лице. Но выражение на нем явно было несколько озадаченное и не слишком-то дружелюбное.

– Вы Юлия? – спросила незнакомая гостья.

– Да, – ответила я. – А вы?

– Я Марина, – сказала незнакомка, словно это должно было мне как-то прояснить ситуацию.

Переступив через меня, что было, надо признать, совершенно неприличным и крайне неприятным, она прошла в мою гостиную. Я, насколько смогла, проследила за ней взглядом, но вскоре гостья вышла из поля моего зрения.

– Мы знакомы? – спросила я.

Она ответила не сразу:

– В каком-то смысле. А почему вы лежите?

Надо признать, ее вопрос был задан своевременно. Боль после моих попыток открыть дверь усилилась и стала непереносимой, даже когда я не шевелилась.

– Я защемила спину. Занималась йогой, и что-то такое

случилось. Ужасно больно, просто до слез. Я тут уже целый час лежу, вы не могли бы «Скорую», что ли, вызвать? Если честно, я просто в отчаянии. Не знаю, что делать.

– Увлекаетесь йогой? – поинтересовалась Марина.

Там, вне поля моего зрения, явно что-то происходило. Раздавались звуки. Что-то стукнуло, потом раздался шелест. Хлопнула дверца шкафа. Воровка? Но как могла она догадаться, что я окажусь в таком беспомощном положении? Как могла она позвонить именно в мою дверь? Гипнотизерша? Черный маг?

– Да. То есть нет. Уже нет. Послушайте, вы не могли бы вернуться, я вас не вижу, – спросила я недовольным тоном.

– Не могла бы, – коротко ответила Марина.

Никакого интереса к моей спине эта коротконожка не проявляла. Я начала волноваться еще сильнее. Вдруг она решила меня ограбить и убить?

– Что вам нужно?

– Мне? Ничего! – сказала она, и тон ее мне совершенно не понравился. – Гораздо интереснее, чего хотите вы.

– Имейте в виду, у нас в доме установлено видеонаблюдение. Что бы вы ни сделали, вас потом найдут. У меня есть связи...

– Это точно. У вас есть связи, – хмыкнула Марина.

Я прикусила губу, уперла руки и ноги в пол и принялась мучительно разворачиваться.

Что за нафиг? Какая-то нелепость!

– Что вам нужно? Зачем вы пришли? Как вы вошли в дом? Вы почтальон? Вы продаете косметику? Я у вас ничего не куплю, но если вы сейчас вызовете мне врача, я вам просто заплачу за это.

– Откуда у вас эти часы? – спросила Марина.

– Какие часы? – опешила я.

– Вот эти! С ангелочками, фарфоровые. С золотым циферблатом. – Голос у Марины вдруг взлетел вверх и почти перешел на визг.

– Муж подарил, – пробормотала я.

– Муж?! – крикнула Марина. – Хочешь сказать, мой муж подарил? А не хочешь ли узнать ты, дрянь, что я лично купила эти часы в Израиле? Я их сама выбирала, а потом они куда-то просто исчезли из дома. Зато теперь я понимаю, куда они исчезли! Что? Что молчишь, а? Сука ты последняя! Спину тебе защемило? Может, выкинуть тебя из окна?!

Я онемела. Суровая правда жизни начала доходить до меня во всей своей суровости. На этот раз судьба действительно переиграла меня. Марина, жена Свинтуса, возвышалась надо мной, как скала, а я беспомощно валялась у ее ног и никак не могла повлиять на ситуацию.

– Или, может, лицо тебе облить кислотой? Что молчишь? Думаешь, не смогу!

– Не надо! – простонала я.

Все складывалось намного хуже, чем я могла представить. Какой кошмар! Нет, судьба точно меня ненавидит. Ну поче-

му эта Марина не могла прийти в какой-то другой день? Когда я была на ногах. Справиться с ней в любой другой день было бы для меня не проблемой. Я тренированная, сильная. Я в свое время проходила курс самообороны и очень хорошо знаю, куда нужно двинуть, чтобы человек моментально задохнулся от боли. А теперь я сама лежу и задыхаюсь от боли, буквально ничего не могу в целях самозащиты. Марина, черт тебя побери, откуда ты взялась на моем пороге!

– А почему бы и нет? Кислоту я взяла. Лежишь? – Она вдруг направилась ко мне, от чего я побелела. – Удобно?

– Не надо. Пожалуйста!

– Плевала я на твои «пожалуйста»! – фыркнула она, бросая сумку прямо рядом с моей головой.

В этой сумке могла лежать эта самая кислота. Кошмар, неужели же все кончится вот так? Хватит ли у меня денег на пластическую операцию? Черт, о чем я думаю?

Марина присела на корточки и достала из кармана пачку сигарет.

– Куришь? – спросила она любезным тоном.

– Нет, – покачала я головой.

– Это правильно. От сигарет портится цвет лица. При твоей проститутской жизни цвет лица нужен хороший, верно? Но сейчас, может, и стоило бы тебе покурить. Говорят, успокаивает. А тебе очень даже есть из-за чего беспокоиться. Будешь курить? – еще раз спросила она.

Я чувствовала, как вопреки всем доводам разума и сло-

жившейся ситуации во мне растет бешенство. То самое бешенство и гнев, в котором я страшна самой себе.

– Не буду, – буркнула я, глядя Марине в глаза.

Она помолчала. Потом вздохнула, вертя в руке пачку сигарет.

– Ну и зря.

– Ты бы тоже не курила, Марина. И не ела бы. Кстати, а от бронзатора цвет лица еще сильнее портится, чем от сигарет, – заметила я.

Марина, зажав в зубах неприкуренную сигарету, уставилась на меня в изумлении.

– Да как ты смеешь?! – крикнула она и замахнулась.

Я, не помня себя от ярости и боли, бросилась вперед и вцепилась ей в волосы. Помирать, так с музыкой! Или хотя бы с визгом. Ждать, пока она надо мной надругается, покорно и тихо, как овечка какая-то, я не собиралась. Сама она овца!

– А-а-а! – кричала Марина, а я изо всех сил цеплялась за ее пережатые белесые патлы, одновременно стремясь сделать ей больно и удержать равновесие. Потом она толкнула меня, а я рванула куда-то в сторону, острая боль прострелила меня от носа до пяток, после чего меня все-таки накрыло, и я потеряла сознание. Темное приятное облако укутало меня с головой, отсекая реальность, а с ней и все проблемы.

Глава 2, в которой речь идет о Mini Cooper (60 000 \$ США)

Марина не была хорошим человеком, но и плохим она себя тоже не считала. Она была тем, что получается из нормальной, довольно простой по характеру женщины, если она систематически злится и боится за свою жизнь. Жизнь у Марины могла бы быть довольно приятной, если бы не несколько «но». Первое «но» – ее дочь Анна, которая ни во что не ставила свою мать. Теперь, когда эта маленькая негодяйка уехала учиться в Лондон, она вообще перестала звонить матери, словно бы той и не существовало.

Второе «но» – ее муж. Человек достаточно властный и грубый, даже, можно сказать, жестокий, постоянно нервировал Марину, превращая их уютный загородный особняк с сотней розовых кустов около въездной группы в место постоянных скандалов, криков, попреков и слез. Муж был придиричивым и вспыльчивым, и отношение дочери к Марине отчасти зеркально повторяло его отношение. И все же, несмотря на все эти скандалы и сцены, рыдания и поиски аргументов в свою пользу, больше всего Марину пугала постоянная угроза потери всего этого кошмара. Она боялась развода.

Третье Марино «но» – ее одиночество вызывало у нее периодические мучительные истерики и панические атаки.

Друзей у Марины было раз-два и обчелся. С теми, с кем ей было положено дружить по роду мужней службы, она так и не смогла найти общий язык, справедливо полагая, что все эти длинноногие дряни – жены его друзей – являются ее самыми страшными потенциальными врагами. С теми, с кем Марине было приятно выпить чашечку кофе, муж общаться не разрешал, называя их «всякой швалью». Старые подруги со старой Мариной работы – когда Марина еще работала. С ними Марина иногда тайно встречалась в городе. Все они, как одна, завидовали Мариной удаче.

– Отхватила мужа! Как умудрилась только?! Как ты его разглядела? – говорили они. Но с годами эти восторженные восклицания перестали хоть что-то значить для Марины. Лучше всего она чувствовала себя, сидя в ординаторской своей старой больницы, где проработала больше десяти лет в отделении гинекологии. Потом Вася начал так стремительно продвигаться по службе, что смысл в работе отпал. Вася велел забрать Анюту из садика, перестать заниматься дурью за копейки и заняться ребенком. Так закончилась медицинская карьера Марины.

Их с Васей история как раз соответствовала известной народной мудрости – чтобы стать женой генерала, надо выйти замуж за лейтенанта. Васе генерала еще не дали, но и того, что дали, хватало сверх всяких мер. Он возглавлял один из Следственных комитетов при прокуратуре, а именно: активно боролся с коррупцией, что было одним из самых перспек-

тивных направлений в работе правоохранительных органов. И одним из самых прибыльных. Так что чувствовал себя Вася в каком-то смысле лучше многих генералов.

Четвертым «но», не дающим Марине спать спокойно, был тот факт, что в этом году ей исполнилось сорок пять лет. Это знаменательное событие в ее жизни связалось отнюдь не с поздравлениями или подарками. Впрочем, без них тоже, конечно же, не обошлось, и кому-нибудь покажется, что Маринин муж сделал все, что нужно, и даже больше, чтобы его любимая жена Марина чувствовала себя счастливо в этот день. Поздравления от всех друзей семьи, шикарный банкет в любимом ресторане Васи, танцы под живую музыку – все, как у людей. Ключи от новенького Mini Cooper, в котором оказалось тесновато.

Все это было не то и не так. Марина хотела бы ездить на «Бентли», а не на этом Cooper, черт бы его побрал. Что это за подарок жене? Еще бы Mitsubishi какую-нибудь додумался подарить. Пикап, например. Его друзья, коллеги по службе, все сплошь на мигалках, и их жены – все старательно делали вид, что восхищены подарком, но Марина была близка к тому, чтобы разрыдаться и закатить истерику. Да и не нужна ей была вообще никакая машина.

Вместе с этой страшной датой – «сорок пять лет» – к Марине пришло сначала смутное подозрение, а затем и уверенность в том, что ее жизнь, такая она есть здесь и сейчас, находится под угрозой. На свете было много женщин, которым

совсем не с руки было тратить время на лейтенантов. Ее Вася нравился им гораздо больше. А теперь, когда дочь выросла и сама Марина стала практически не нужна, Вася отделался от нее, всучив Mini Cooper, и завел себе любовницу. С днем рождения, дорогая!

Следует понимать правильно, любовницы у Васи были и до этого. Всегда. Это было в каком-то смысле положено ему по статусу. Он нельзя даже сказать, что сильно это скрывал. Были сауны, были какие-то сально-слюнявые эсэмэски, звонки и молчание в трубку – все это бесило и нервировало Марину. Но с этим еще можно было мириться. Теперь же в жизни ее Васи появился кто-то, с кем приходилось считаться. Кто-то, кто влез на их поле, на их шахматную доску и возомнил себя полноценным игроком. Юля. Откуда только эта сука взялась? Впрочем, вопрос был, очевидно, не в этом. Любовницы всегда откуда-то берутся, какая разница, откуда. Из какой бы щели таракан ни вылез, он всегда остается тараканом, не так ли?

Вопрос был в том, что Вася относился к этой твари серьезно, как с ужасом поняла Марина. Возможно, даже серьезнее, чем к ней самой. В этой Юле таилась угроза, и с этим приходилось считаться. Вопрос был в том, что с этой тварью делать. Убить? Вполне подходящий выход из положения, если можно было бы сделать так, чтобы сучья тварь просто исчезла с лица земли бесследно и чтобы Вася (это обязательно!) никогда не узнал, что Марина хоть каким-то боком в этом за-

мешана. Но убийства не были Марининой специальностью. Она продолжала ломать голову над этой проблемой.

Впервые о существовании Юли Марина узнала пару месяцев назад. Тогда она, правда, еще не знала ее имени и вообще ничего не знала, заметила лишь, что Вася стал совсем другим. Не хуже, не лучше, но другим. Пожалуй, все же он стал лучше. В каком-то смысле. Он стал позже приходить домой, и не каждый день. Скандалы практически сошли на нет, он перестал придираться к тому, что тапки стоят не в рядочек и что на подоконнике валяются сухие лепестки, слетевшие с Марининых цветов. Вася любил порядок. Нет, не так. Вася был маниакально заиклен на идеальной чистоте. Он был как раз из тех, кто вполне серьезно будет проводить белоснежным носовым платком по полу и затем орать.

– Чем ты тут занимаешься? На черта ты тут сидишь целыми днями, если не можешь пол помыть.

– Я мыла! Он чистый.

– Это чистый? Это?! – И он швырял платок Марине.

– Я мыла, – вздыхала она, стараясь сдержать слезы в глазах.

Вася мог придираться к чему угодно. К тому, что кофе недостаточно горяч или пенка от его капучино недостаточно высока. Его одежда висела в огромных шкафах, в пластиковых чехлах, и Вася всегда выглядел идеально. Его ботинкам положено сиять. А сам он не должен ждать ужина дольше пяти минут, даже если он приехал посреди ночи. Марина, как

только слышала звук открывающихся автоматических ворот, бросалась на кухню в чем была, чтобы поставить в микроволновку Васин ужин.

– Что это?

– Рагу.

– Я не буду это есть. Оно выглядит неаппетитно, – бросал он, и это означало просто то, что Вася сыт и уже где-то поел.

Раньше Марина обижалась, плакала и пыталась как-то изменить ситуацию, но со временем она просто научилась все пропускать мимо ушей.

Теперь Вася все чаще проходил мимо кухни, даже не спрашивая про ужин. Он включал в гостиной большой телевизор и смотрел новости – у них была целая сотня каналов, но Вася всегда смотрел только новости – садился в массажное кресло, включал программу и отключался от всего мира. Частенько теперь он так в своем кресле и засыпал. У Васи болела спина, так что массаж он уважал. Точно такое же массажное кресло, как выяснилось теперь, имелось в квартире этой твари Юлечки. При виде этого кресла у Марины, что называется, вышибло все предохранители. Захотелось крови и убийств.

В тот памятный день Вася приехал откуда-то посреди ночи. Марина не посмотрела на часы, но было точно не меньше трех ночи. Даже, наверное, ближе к четырем, так как за окном уже светало. Она было подумала о том, чтобы идти на кухню, разогреть курицу, но потом подумала, что уж в

такое время от нее никто не может потребовать того, чтобы она ждала, сидя с курицей наперевес, мужа с работы.

Она просто была чертовски зла. Муж постоянно где-то пропадал, оставляя ее одну в большом, идеально вылизанном ею доме. На тумбочке рядом с кроватью с Мариной стороны стояла бутылка красного вина и хрустальный бокал на длинной ножке. Бутылка была пуста.

Вася не позвал ее, не стал будить. Скорее всего, через несколько часов он снова исчезнет, уедет и все. Марина снова останется одна. Это, в принципе, ее устраивало в каком-то смысле. Но в каком-то другом – это было неприемлемо. Это пугало. Марина встала и прошла тихо в сторону кухни. В их доме было много дверей, но кухня была без дверей, с одной только аркой. Марина не стала включать свет, она лишь открыла большой двухкамерный холодильник, налила себе стакан соку, добавила в стакан несколько кубиков льда – их можно было получить, нажав кнопку на двери холодильника, – и прислушалась. Муж был в гостиной, он говорил по телефону. Его было хорошо слышно.

– Ты хоть врубаешься, что все не так поняла? – говорил он кому-то.

Марина застыла и похолодела.

– Ты просто меня поняла неправильно! Я не хотел тебя обидеть. Нет, ты меня дослушаешь. Нет! Черт! – Он крикнул, потом выругался.

Кто-то на другой стороне провода явно бросил трубку. Ес-

ли бы Марина сделала что-то подобное, муж орал бы на нее, не переставая, пока не заставил бы ее извиняться и валяться у него в ногах. Значит, тут что-то серьезное. Марина это поняла сразу.

– Не смей бросать трубки. Ты слышишь, что я сказал? Ты хочешь проблем? Ты хочешь проблем? Ты уверена? Смелая, значит, да? Вашу мать!

Марина против воли ухмыльнулась. Кто бы ни была эта тварь, она явно выбесит Васю, и он сам ее просто грохнет. Не придется и возиться. Тут Марине пришлось вжаться в стену и замереть. Васина грузная фигура промелькнула в арочном проеме и исчезла. Он зашел в ванную комнату. Раздался шелест льющейся воды. Ваннх у них в доме было четыре – одна на первом этаже, гостевая, и две на втором, и одна в подвале, где располагались сауна и бассейн. Марина стояла ни жива ни мертва. Она прекрасно понимала, что сейчас лучше не встречаться с мужем. В таком состоянии он просто опасен. Физически опасен, если знаешь, на что он способен. Марина его боялась. У нее были для того веские основания. За их долгую, не совсем счастливую жизнь бывало всякое. Один раз ей даже пришлось обращаться за медицинской помощью. Ничего серьезного, несколько синяков-царапин, но Марина была рада, что у нее была страховка и ей не пришлось звонить старым подружкам по медицине. И уж конечно, Марина не экспериментировала с мужем больше. Злить его было опасно для здоровья.

Так что Марина бы предпочла в тот момент по-тихому смыться из кухни, но пройти мимо ванной комнаты она не решилась. Вася вышел и вернулся в гостиную. В кухню он не зашел. Пронесло. Через несколько секунд Марина снова слышала его голос.

– Знаешь, я уже устал. Ты на часы смотрела? – Голос звучал мирно, что показалось Марине странным. – Давай нормально поговорим. Что? Значит, тебе плевать? Ты уверена? Что?!

– Порви ее, порви, – одними губами прошептала Марина.

– Нет, ты не полетишь. Я тебе не позволю. Нет, и все. Я сказал. Знаешь что? Ты не забыла, с кем ты имеешь дело, а? Что ты сказала? Нет, я буду звонить сколько хочу и когда хочу. Чем ты занята? Ты что, не одна? Я сейчас приеду. А мне, знаешь, тоже плевать. Только попробуй меня не пустить!

Дальше раздался какой-то грохот в комнате. Марина непроизвольно вздрогнула. Вася снова промелькнул в проеме, снова полилась вода. У него наверняка в тот момент поднялось давление. Сказать, чтобы Вася вел здоровый образ жизни, было бы погрешить против истины. Сильно погрешить. Он выпивал, причем пьяным становился совершенно невыносимым. Есть люди, которые от водки веселяются, Вася же – зверел.

Если Вася приезжал домой сильно пьяным, а это всегда можно было вычислить по косвенным признакам – по тому,

как долго он сидит в машине, как выпадает из дверей, по хлопанию дверей, – Марина старательно «ховалась» по темным углам. Вася выпивал не то чтобы часто. Скорее по расписанию. Понедельник, среда, пятница. И остальные дни. В общем, никак не берег здоровье. Правда, он не курил. Вернее, почти не курил, потому что когда он нервничал, все же курил. В ту ночь он явно нервничал, потому что он вышел на крыльцо и закурил. Марина сквозь приоткрытое окно кухни чувствовала запах дыма. Потом Вася завел свою новую машину, он только-только купил себе Porsche, и уехал. Марина стояла, кусая губы.

В чем у них там была проблема, чего они не поделили или, скорее, чего недодал Вася этой неизвестной твари, Марина не знала и даже не интересовалась. Ее больше всего напугало другое. Ее Вася, сорока девяти лет, высокий, грузный, с одышкой и проблемами с потенцией, был влюблен. Вместо того чтобы лечь спать или пойти и купить себе какую-нибудь проститутку, он посреди ночи понесся куда-то к женщине, которая даже не собиралась его пускать. Это было плохо, плохо.

Несколько недель ушло на то, чтобы как-то прояснить ситуацию. Сначала Марина раздобыла номер Юлиного телефона. Это было просто. Когда через пару дней Вася все же остался дома на ночь, она подсмотрела его в журнале звонков у него в телефоне. Оказалось, что той ночью столь эмоционально и долго ее муж Вася выяснял отношения с неким

Юрием. Ха! Юрий, как же. Телефон был найден и переписан. Сложнее было раздобыть остальную информацию. Можно было бы узнать что-то по ее номеру, тем более что и знакомые такие, нужные, у Марины были. Проблема была лишь в том, что знакомые эти были – с работы мужа, а значит, обратиться она к ним с такими вот вопросами, об этом мог бы узнать сам Вася. Эти знакомые уж наверняка посчитали бы своим долгом предупредить друга о том, что его женушка сует нос в его дела. А этого как раз допускать было нельзя.

Ее муж Вася был совсем не тем человеком, которому можно закатить скандал и истерику, узнав о его неверности. По большому счету, если бы ее муж Вася узнал сейчас, что она, Марина, что-то такое про него знает, он бы с большой степенью вероятности использовал это в своих интересах. Вместо того чтобы покаяться и попросить прощения у любимой жены, он бы вполне мог покаяться и попросить развода. Что-то в том, как он разговаривал с «Юрием», в его интонациях убеждало Марину, что открывать карты ни в коем случае нельзя.

Узнать больше о любовнице мужа Марине помог случай. Василий оставил на журнальном столике копии документов на квартиру – инвестиционный контракт и свидетельство о собственности. Конечно, документы на имя Юлии Владимировны Твердой, двадцати восьми лет, могли оказаться в руках Маринино мужа и по другой причине. Кто знает, может, эта Юлия Владимировна что-то совершила. Она могла

оказаться продажным чиновником, взявшим взятку в особо крупном размере и не поделившимся с нужными людьми. Вася мог держать ее в разработке, для чего обязательно стал бы выяснять, чем гражданка Твердая владеет и с чем может безболезненно расстаться для сохранения собственной свободы. Люди способны быть невероятно щедрыми, когда речь идет о десяти годах их жизни.

Но какое-то шестое чувство, женское чутье подсказало Марине, что гражданка Твердая – как раз та самая особа, которая так смело отказалась принимать Маринино мужа посреди ночи и обещала куда-то там улететь. Окончательно в этом факте Марина убедилась, когда в стопке документов на квартиру нашла некий договор бронирования. Он был подписан больше полутора лет назад, и согласно ему квартира на Юго-Западной (около ста квадратных метров, свободной планировки) стоила семьсот тысяч долларов.

– Вау! – воскликнула Марина.

Также из документа следовало, что и аванс, и бронирование были сделаны не гражданкой Твердой, а Василием Ивановичем Москвитиним, что убирало последние сомнения в происходящем. Если ее муж покупает кому-то такую квартиру, это точно серьезно.

О материальном положении их семьи Марина, надо сказать, имела достаточно смутное представление. Деньги, которыми она могла распоряжаться, в буквальном смысле лежали в тумбочке, и их никогда не было там слишком мно-

го. Муж не считал нужным осыпать супругу деньгами, хотя и назвать ее положение бедственным было бы нечестно. Но сколько ее муж зарабатывал (речь, конечно, не о зарплате) и как много ему удалось скопить за годы борьбы с коррупцией – Марина даже не представляла. Определенно, скопить удалось немало, и тем обиднее, что семейный капитал вдруг утекал в какие-то непонятные стороны. В руки гражданки Твердой, мать ее! Но что же Марина могла поделать? Это было выше ее сил и контроля, никакого влияния на мужа она не имела.

Марина поплакала и даже напилась в одиночестве, сидя с бутылкой мужнего коньяка около бассейна. Будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, она вглядывалась в неподвижную гладь голубой воды, и даже мысль о самоубийстве промелькнула на секунду в ее голове. Но потом она сглотнула слезы и ничего никому не сказала. Это было единственное решение, единственный выход из положения – сделать вид, что ничего не произошло, и жить дальше. Жить как жила, словно бы ничего такого и не случилось. Что Марина и сделала.

Пока муж не подарил ей Mini Cooper. Простая математика подействовала на Марину куда круче, чем красная тряпка на быка. Гражданке Твердой, значит, квартиру за семьсот штук, а своей собственной родной жене, матери единственной дочери, на сорокапятилетие дурацкую игрушечную машинку? За двадцать потраченных на него лет? За полы, по

которым можно платком проводить – такие чистые? За сотню розовых кустов?

Марину трясло. Когда ее поздравляли, когда вручали букеты и говорили о ее удивительной способности не стареть и с годами выглядеть моложе. Марина знала, что выглядит на свой возраст. Что бы она ни пыталась делать – а она уж пыталась, можно не сомневаться, – годы отпечатались на ее лице, в выражении ее глаз. Годы отложились в виде двадцати лишних килограмм, расползлись по талии. Марина почти не слышала, что же ей пожелал любимый муж, так ее трясло от ярости. Она бы хотела, чтобы он умер. Чтобы его до смерти, до инфаркта миокарда затрахала бы гражданка Твердая.

Оставил бы ее одну, с деньгами. Оставил бы ее! Эта мысль ее и пугала, и привлекала одновременно. Но такие, как Василий Москвитин, как правило, живут долго и счастливо. И надо помнить, что живут, как правило, с молодыми женами. Если жены старились, их своевременно заменяли на новых, молодых.

Марина вовсе не собиралась встречаться с гражданкой Твердой лично. Просто она начала мечтать – ведь нельзя же запретить человеку мечтать. Она засыпала с мыслями о том, как гражданку Твердую переезжает трамвай.

Или ей грезилось, как соперницу случайно убивает коллега мужа. Или даже сам муж. Ведь говорят же, что, если на стене висит ружье, оно обязательно рано или поздно выстрелит! А у мужа даже не на стене – на поясе постоянно болтал-

ся пистолет в кобуре. Всякое же может случиться. Надо же сохранять веру в чудо!

Мысль о том, чтобы причинить вред этой самой гражданке, целиком овладела Мариной. Идея за идеей стучались в ее голову и становились с каждым днем все навязчивее. И вот наконец несколько недель назад Марина вдруг, ни с того ни с сего, встала с утра пораньше и, вместо того чтобы пойти полить цветы, убрать в бильярдной после вчерашних гостей мужа, села в машину – в проклятый красный Mini Cooper – и поехала по адресу, указанному в документах. Она решила, что только посмотрит и все. Посмотрит, где живет эта тварь. Ненависть, терзавшая ее и разъедающая изнутри, была всецело обращена на эту незнакомую молодую женщину, наверняка красивую, наверняка наглую и бессовестную. Ненависть была – море бескрайнее, в ней можно было утонуть. Но встречаться с Юлией Марина не хотела и даже боялась.

Несколько раз она приезжала сюда – к новенькому дому переменной этажности, неподалеку от Тропаревского парка – и стояла, смотрела на него из окна Mini, откармливая свою ненависть на убой. Она представляла, каково это – быть такой молодой, быть такой хищной и свободной. Шаг за шагом все это слетит с гражданки Твердой. Никто не вечен, у всех будут морщины и носогубные складки. А еще она может заболеть серьезно. К примеру, раком чего-нибудь. В молодом возрасте от этого так быстро сгорают.

Все эти мысли, чудовищные и омерзительные, доставля-

ли какое-то извращенное удовольствие женщине, которой не было доступно ничто больше. Она вычислила, в каком из подъездов находится злосчастная квартира – в третьем. На каком этаже она, предположительно, может находиться – где-то на двадцатом – двадцать первом. Далеко лететь.

А однажды автомобиль Юлии Владимировны Твердой проехал прямо мимо Маринино Mini Cooper, что заставило Марину побелеть от бешенства и слепой ярости. До этого момента любовница была все же чем-то виртуальным, существующим только в воспаленном воображении Марины, а после этого вдруг стала реальным живым человеком из плоти и крови, сидящим в «Лексусе» ее Василия, даже номера те же – не сменила, тварь. Значит, Вася «Лексус» не продал, а отдал любовнице. Марину била дрожь, ее руки дрожали. «Лексус» мужа, даже и б/у, стоил вдвое дороже ее Mini Cooper. Да и какой там б/у – он на нем и трех лет не отъездил.

И тут вдруг неожиданно Марине стало ясно, что так больше продолжаться не может, не сможет она так жить дальше. Да и не хочет – сидя тут, около этого дома, ожидать своего персонального конца света. Она почувствовала непреодолимое желание посмотреть этой женщине в глаза. Может, даже выцарапать их.

Стекла в «Лексусе» были затонированные, так что лица проклятой твари Марина не увидела. Машина на несколько секунд застыла перед ее взором, потом тварь библикнула, и ворота подземной парковки стали медленно открывать-

ся. Через секунду видение исчезло, словно ничего и не было. Марине осталось лишь обливаться холодным потом и беситься от ярости.

Тогда она все и решила. Думала несколько дней, но решилась. Звезды покровительствовали ей. Василий уехал к дочери в Англию, денег в тумбочке оказалось более чем достаточно. Пробок на дорогах не было. Обычно в город по Киевскому шоссе всегда есть пробки, а тут – свободно, словно бы менты все перекрыли специально для нее. Правда, время – середина дня, обед. Но все равно, маленькое, но чудо. Дорога от их загородного дома до квартиры Васиной любовницы заняла двадцать пять минут. Удобно. Как умно и удобно все расположено – даже в этом видна Васина циничная рациональность. Эгоист, которому не только хочется иметь молодую любовницу, но чтобы она еще и жила неподалеку и чтобы до нее было удобно добраться.

Марина не знала до конца, что именно она сделает и как поступит. Она даже не знала до конца, как добьется того, чтобы ей открыли дверь в дом – ведь он-то под охраной и на замке. Но удача и тут повернулась к ней лицом, дверь в подъезд была открыта. Кто-то носил строительные материалы, разгружал грузовичок и подпер дверь кирпичом, чтобы не открывать каждый раз. Консьержка, правда, остановила Марину и спросила номер квартиры. Марина назвала номер – и ничего больше, но этого хватило и консьержка тут же утратила к ней интерес. В лифте не было никаких зеркал

и даже металлические стены были обшиты фанерой, чтобы их не царапать до поры до времени. На пол кто-то просыпал цемент, и теперь все подошвы Марининых сапожек были серыми.

А уж то, что произошло потом, вообще никак иначе, чем улыбкой судьбы, назвать нельзя. Дверь открылась, и соперница, эта тварь дрожащая, оказалась в буквальном смысле валяющейся у Марины в ногах. Полностью в ее власти.

Глава 3, в которой фигурирует мой шкаф-купе фирмы Mr. Doors (11500 \$ США)

О том, что я не умерла и не попала в рай, отчетливо свидетельствовала продолжающаяся острая боль в спине. Конечно, возможно, это был и не рай, а ад – ведь такие женщины, как я, на райские кущи претендовать не могут. Но в этом случае ад был декорирован и стилизован под мою собственную квартиру. Отключение, произошедшее со мной, было полным и всеобъемлющим. Я не знала, что именно случилось, сколько времени я провалялась в обмороке и что вокруг творилось, пока я не могла контролировать происходящее.

– Марина! – воскликнула я, вдруг вспомнив все, и тут же принялась ощупывать свое лицо. Насколько обстоятельства позволяли, я проверила целостность кожного покрова. Все было на положенных местах. Кислоту на мое лицо не выливали. Уже неплохо. Да и Марины рядом со мной уже не было. По полу тянуло сквозняком, входная дверь осталась чуть прикрытой. Где же она, Мариночка? Сбежала, испугалась? Кого – меня? В обмороке я страшна!

– Очухалась? – раздался уже ставший знакомым пренебрежительный голос над моей головой.

Марина не сбежала, она снова нависла надо мной. Ну что

за дикую краску для волос она использует! Все пережгла на-
чисто.

– Ну... почти, – пробормотала я, раздумывая, что задумала эта неприятная женщина.

Но она, к сожалению, не дала мне достаточно времени на раздумье и бросилась ко мне. У нее в руках была какая-то то ли сумка, то ли пакетик. Я внутренне сжалась и пожалела, что очнулась от обморока. Хорошо бы снова отключиться.

– Помогите! – попыталась я закричать.

– Заткнись ты, дура, – рявкнула Марина и рывком перевернула меня на спину.

Боль была такая, словно меня живьем разорвали напополам.

– Убивают! Спасите! – шипела я, потому что голос вдруг тоже пропал.

Марина немного помедлила, потом я почувствовала что-то холодное на спине, и с меня слетела футболка. Марина срезала ее ножницами.

Я похолодела окончательно. Она пришла, чтобы меня убить. Цинично и жестоко.

– Где болит? – вдруг спросила она. – Тут?

– А-а-а! Да! – рявкнула я, так как она ткнула прямо в самый центр пульсирующей боли, от которой хотелось на стенку лезть.

– Слышала такое слово – люмбаго?

– Нет, а что это?

То, что она говорила со мной, я сочла за хороший знак. Человека, которого начинаешь воспринимать лично, труднее прикончить. Я вспомнила, как это говорили в фильме «Молчание ягнят». Жуткая вещь про маньяка, который держал своих жертв в старом колодце, а потом убивал и срезал с них кожу, из которой шил себе платье. Так вот, там психологи из ФБР уверяли, что, если убийца подружится с жертвой, убить ее будет намного труднее. Правда, там же маньяку было глубоко наплевать на то, что ему говорят. Он хотел платье и больше ничего. А что нужно Марине? Моя голова на блюде?

– Вдохни поглубже, – зловеще бросила она. – Будет больно.

– Не надо! Прошу, Марина. Тебя же вычислят, я умоляю... а-а-а-а! – Острая пронизывающая боль заставила меня прикусить до боли губу. Потом вдруг что-то случилось. Что-то хорошее и прекрасное случилось со мной – мне стало вдруг хорошо. Время остановилось, воздух застыл и стал прозрачнее. Я сделала глубокий вдох и простонала.

– Легче? – спросила Марина.

– О да! – прошептала я, прикрыв глаза.

Боль отступила и теперь лишь едва ощущалась. Я не решалась, конечно, на эксперименты. Лежала, не шевелясь, но даже и так было понятно, что Марина сделала мне какой-то волшебный укол. В воздухе остро запахло какими-то лекарствами, спиртом. Я почувствовала, как крепкие Маринины

руки подхватили меня за плечи. Она помогла мне перевернуться и перебраться на диван.

– Я сделала тебе новокаиновую блокаду, но это не выход. Тебе надо с йогой завязывать.

– Спасибо!

– Да ну тебя к черту. Отвечай еще за тебя. Я тебя и пальцем не тронула, а ты уже коньки отбрасываешь? Э, нет, так дело не пойдет. Угораздило меня притащиться именно в этот момент. – Голос Марины, хоть и все еще злой, звучал теперь по-другому.

Она молчала, я же лежала и думала о том, какая странная штука жизнь. И о том, что нужно куда-нибудь записать это слово – люмбаго. Что это за зверь? Надо будет посмотреть в Интернете. Надеюсь, это лечится. В любом случае у меня теперь есть идеальная отмазка от всех видов физических нагрузок. Да я теперь сама себе яблоч в дом не подниму – пусть все Свинтус таскает... То есть, конечно, со Свинтусом тоже что-то надо делать. Раз уж в моем кресле сидит его жена. Но что мне с ней делать, я на самом деле не представляла.

– Ты что, врач? – спросила я.

Марина посмотрела на меня, и что-то в ее взгляде было такое... жуткое. Усталость, помноженная на отчаяние и бессилие. Взгляд бездомной больной собаки, притаившейся зимой в теплом подъезде. Что ж такое со Свинтусовой женой? Женам положено быть румяными, улыбчивыми и довольными. У них-то все должно быть прекрасно. Не жизнь, а сказка.

Впрочем, по Марине этого никак не скажешь.

– Я была врачом. Теперь вот не пойми чем занимаюсь. За всякими молодыми тварями бегаю. А зачем, кто бы еще сказал. – Марина скользнула по мне взглядом. – Тебе надо бы еще но-шпу выпить. Диклофенак есть? Если нет – купи.

– Спасибо тебе.

– Всегда пожалуйста. – Она горько усмехнулась.

Я покачала головой. Повисла пауза, в течение которой, могу поклясться, мы с Мариной думали об одном и том же – о том, как это все странно.

– Н-да... – пробормотала я.

Марина усмехнулась, и я против воли тоже ухмыльнулась.

– Дебильная какая ситуация, да? – бросила я нейтрально-дружелюбным тоном.

– Да уж, – согласилась она.

– Ты, должно быть, меня ненавидишь, – предположила я.

На сей раз пауза была долгой, очень долгой. Потом Марина встала, прошла по гостиной, взяла в руки мои (то есть свои) часы, покрутила их в руках и поставила на место.

– Нет, не думаю.

– Правда? – удивилась я.

– Я тебя не знаю. Ты мне вообще никто, – задумчиво пробормотала она, рассматривая мои стены и полки.

– Это правда.

– Я ненавижу что-то, очень, очень сильно ненавижу. Но не могу понять теперь, что именно. Меня просто трясет от

ненависти, – призналась она. – Я была уверена, я думала, что ненавижу тебя. Еще утром я была готова тебя четвертовать. Но вот смотрю на тебя и понимаю, что ты мне вообще-то безразлична.

– Может, ты ненавидишь его? – брякнула я и тут же пожалела.

Маринин взгляд потемнел, лицо исказила судорога. Она так странно посмотрела на меня, словно снова вернулась к обдумыванию вопроса: выкинуть меня из окна или оставить. Она отвернулась, так ничего не сказав.

– А у тебя тут пыль. – Марина провела рукой по моей полке с дисками и показала мне ладонь.

Я поперхнулась. Ровно таким же жестом пыль проверял Свинтус.

– У меня убираются по вторникам и пятницам.

– Кто? – любопытствовала Марина. – Нянька?

– Нянька? Нет. Уборщица. То есть домработница.

– И Вася платит? – поразилась Марина.

Я кивнула. Рассказывать всей правды о своей домработнице я не стала. Ни к чему Марине все знать. Кто много знает, скоро состарится, а Марине еще больше стариться никак нельзя.

– Удивительно! – Марина покачала головой. – А меня пилит, пилит, достал уже. Говорит, что раз уж я сижу у него на шее, то от меня должна быть хоть какая-то польза. Ты видела его шею? На чем там сидеть, там и шеи-то нет!

– Это точно, – усмехнулась я. Разговор становился просто абсурдным, но шеи у Свинтуса действительно не было. Вся ушла в плечи и часто болела.

– Польза! – фыркнула Марина. – Раньше от меня было много пользы. И тебе вот сегодня от меня есть польза, верно?

– О да! – воскликнула я, потирая спину.

– Ненавижу пилеж. Значит, тебя он не пилит. Почему?

– Меня он не успевает пилить, – пояснила я.

– В смысле? – удивилась она. – Вы что, все время только трахаетесь? Ни минутки свободной?

– Потому что его пилю я. Закатываю истерики.

– Специально? – уточнила Марина.

Я опешила:

– В смысле?

– Ты что, истеричка? Или невротичка?

– Я похожа на невротичку? – хмыкнула я.

Марина вздохнула:

– Ты похожа на ту самую стерву из моих самых страшных кошмаров. Ту, которая приходит, чтобы разрушить все, что только осталось в жизни.

– Но я не хочу ничего разрушать, – огорчилась я. – Каждый выживает как может.

– Это точно. Каждый выживает. А это откуда? – Марина взяла с полочки около телевизора мою фотографию. Единственную, наверное, которая осталась у меня с юных лет. С младых ногтей, так сказать. Мне на ней было восемнадцать

с половиной лет, и ноги еще не были сломаны, и я была тогда совсем другой. Тогда бы никому не пришло в голову назвать меня стервой.

– Это я с подругой была на одном концерте.

– Красивое платье, – сказала Марина.

– Шили на заказ, – пояснила я, утаив то, для чего на самом деле было предназначено то платье. Это уж точно Марине незачем знать. Меньше знаешь, крепче спишь. – Это было десять лет назад.

– Да? – Марина посмотрела на меня, потом на фотографию, потом опять на меня. – Я бы не сказала. Я бы там тебе дала лет двадцать пять. А сейчас бы и того меньше.

– Чудеса косметологии, – усмехнулась я.

Мы снова замолчали, на этот раз с какой-то неловкостью. Между нами повис вопрос, на который мы не знали как ответить. Продолжить дальше ругаться стало теперь положительно невозможным. Ну как после такой светской беседы можно вцепиться кому-то в волосы? Уместнее было разойтись и постараться забыть о существовании друг друга. Надо понимать, что как бы мы там ни относились друг к другу, ничего со сложившейся ситуацией мы сделать не могли. Если у меня в руках и были какие-то инструменты влияния на Свинтуса, то в Марининых руках имелась лишь дырка от бублика. Не просто же так она вместо того, чтобы закатить скандал своему муженьку, пришла воевать со мной. Умная женщина, не стала ставить мужу никаких ультиматумов. Глупо идти вой-

ной с одним только сачком для бабочек в руках.

– Странно, да? – пробормотала Марина.

– Да уж. Интересный разговор.

– У вас это с ним давно?

– Уже два с лишним года.

– Понятно.

Марина, было видно, не знает, что делать с этими ответами. И уходить она тоже почему-то не хотела. Что ж, я была ей обязана своим избавлением.

– Будешь чай? – Уж как минимум чаю же я могла ей предложить? – Или кофе? У меня кофе есть только без кофеина. А вот чай есть зеленый, в нем кофеина много.

– Я даже не удивлена, – хмыкнула она, но лицо ее прояснилось. – Давай, что ли, действительно чайку попьем.

– Осталось выяснить только одно – способна ли я доковылять до кухни, – пробормотала я, делая неуверенную попытку подняться. Блокада действовала, спазма больше не было, хотя боль немного еще чувствовалась.

– Знаешь, ты пока ковыляй на кухню, а я все-таки схожу в аптеку. У меня в аптечке нету ни но-шпы, ни диклофенака. А тебе бы сейчас его вколоть не помешало.

– Ты всегда носишь с собой аптечку? – удивилась я.

Марина кивнула:

– Последствие моей врачебной практики. От того анестезиолога, каким я была, остался один пшик, но аптечку я всегда ношу с собой. Иногда может пригодиться. Однажды я да-

же успела снять одному мальчишке болевой шок. Он в аварию попал, весь был изломанный, врачей бы даже не дождался. А я мимо ехала, так что... В общем, так все с собой и вожу. Но диклофенак, знаешь, в перечень средств экстренной помощи не входит.

– Я не знаю, как тебя благодарить, – совершенно искренне сказала я.

Марина ушла, а я кое-как доплелась до кухни, налила себе стакан воды (из специального серебряного фильтра, конечно), выпила его и долго стояла, глядя в окно. С моего двадцать первого этажа вид открывался чуть ли не на половину города. Я искренне надеялась, что стройка, которую вели перед нашими окнами, не дорастет до моих высот и не отсечет от меня этот умопомрачительный вид, ради которого по большому счету я и выбрала эту квартиру. Надежд было мало – строители стучали, сверлили и копошились, как муравьи. Кто будет на «Юго-Западной» строить маленькое здание? Дураков нет. Уж строить так строить, этажей под сто, не меньше. У нас в корпусе было тридцать три этажа. Кто больше?

Главный вопрос, который меня занимал, касался моей судьбы. Хватит ли ее у меня или, вернее, достанет ли ее отсутствия, чтобы продолжить терзать Свинтуса теперь, когда я познакомилась с его женой. Не должна ли я теперь, как честная женщина, пообещать расстаться с нашим проказником

навсегда? Смогу ли я спокойно спать, если этого не сделаю? Смогу ли я спокойно спать с ним?! В конце концов, Марина мне ничего плохого не сделала.

С другой стороны, такие, как Свинтус, на дороге не валяются. Это я вам говорю со всей ответственностью. Мужиков, конечно, полно. В том числе и мужиков с деньгами. И все они доступны для человека с интеллектом и длинными ногами, но... Всегда есть «но». И всегда есть разные уровни щедрости. Кто-то осыплет тебя бриллиантами, но они будут мелкими и не так их и будет много. Кто-то способен подарить тебе машину, перетянутую розовой ленточкой. Я, кстати, однажды такую получила. Сама машина слова доброго не стоила, какой-то Nissan, к тому же и не подаренный мне вовсе, а переданный во временное управление по доверенности. Но жест красивый, не спорю.

Но таких, которые бы были на двадцать с лишним лет старше, влюблены до дрожи, звонили бы по ночам, обещали бы убить – таких немного. К тому же чтобы соответствующие материальные возможности позволяли купить квартиру, оплачивать счета, поездки, бесконечные походы по магазинам. Домработницу, опять же. Понятное дело, что такие аттракционы невиданной щедрости не сохраняются вечно. Но пока костер горит, нужно успеть погреться основательно. За всю жизнь таких Свинтусов, может, удастся заполучить одного-двух. А жара от этого огня любви должно хватить на всю жизнь, если загребать его правильно. И про пенсию

нельзя забывать. Вопрос был непростой.

В ситуацию, в которой я оказалась, я попала впервые. Никогда еще ничьи жены не приходили ко мне с настойчивым желанием выкинуть меня из окна. Я пожалела, что не приобрела жилплощадь на первом этаже. Но даже если предположить, что меня одолеет неожиданный приступ человеколюбия и совестливости, я укажу Свинтусу на дверь и решу стать добропорядочным человеком и гражданином – с этим будут большие проблемы.

Свинтус, кстати, тоже совсем не дурак, не доверял моей бесконечной любви к его мужским достоинствам слишком сильно. Он, как ни крути, всегда был рационалистом и прагматиком. Только такие люди в нашей стране могут по-настоящему эффективно бороться с коррупцией, верно? И этот умный, закаленный в боях мужчина справедливо предположил, что некоторая моя финансовая от него зависимость может мое страстное чувство к нему изрядно укрепить. О том, чтобы заполучить меня в жены, Свинтус даже и не мечтал. Может, кому-то покажется странным, что я не стремилась к статусу законной половины. Если у кого-то есть вопросы на эту тему – пусть они внимательно посмотрят на меня и потом на Марину. Если за таких, как Свинтус, выйти замуж, жизнь станет несоизмеримо хуже. Если остаться в девках, то и собственность, и прочие движимые и недвижимые активы будут принадлежать только тебе. Я предпочитала оставаться в девках.

Но с собственностью были проблемы. Когда Свинтус после долгих и кровопролитных боев сдался и решил подарить мне квартиру, он умолчал о некотором обстоятельстве, которое вскрылось только при оформлении. Новостройка, весьма дорогостоящая и эффектная, отличное вложение и зарубка на старость. Свинтус оплатил ее только наполовину. Вернее, на две трети. В общем, он действительно оплатил четыреста тысяч из семисот, а на остальные взял да и оформил ипотечный кредит. На меня!

– Но как такое возможно? – тарасилась я на бумаги. – Я даже не работаю. Я студентка!

– Да? И какого вуза? – искренне посмеялся моей шутке Свинтус.

– Но я не могу это оплачивать!

– Но Люлечка, кто же говорит, что платить будешь ты. Конечно, это целиком моя проблема. Мне просто так удобно. А в банке у меня знакомые, этот кредит – пустая формальность. Они будут с моего счета списывать деньги автоматически. Тебе совершенно не о чем беспокоиться, кроме разве что цвета ковра для гостиной.

– Да? – задумалась я.

Выбора у меня не было. Удавка была натянута крепко и хорошо. Кредит за квартиру должен был быть погашен в течение пяти лет. Именно на такой срок Свинтус надежно подкрепил мои чувства, а что там будет через пять лет – он, видимо, не стал задумываться. За пять лет любая, даже самая

красивая женщина может надоесть. В общем, пришлось мне все подписать. И на настоящий момент даже двух лет не прошло. Еще платить и платить, по шесть зеленых косарей в месяц, между прочим. Нет, благородство я себе позволить никак не могла. Оно мне было не по карману. Оставалось только урегулировать как-то этот вопрос с Мариной.

Она вернулась минут через двадцать – действительно быстро обернулась. Выяснилось, что аптека была у нас буквально во дворе. Наши бесконечные пространства первых этажей вообще чего только в себя не вмещали. И супермаркет, и какие-то пафосные магазины мебели и плитки, и салон красоты. Удобно. Значит, теперь еще и аптека.

– Ну, ты как? – спросила Марина, по-хозяйски выкладывая на стол приобретенные лекарственные препараты.

– Ничего, немножко больно, но терпеть можно. И хожу!

– Отлично, – обрадовалась она. – Слушай, а нет у тебя чего выпить?

– Выпить? Думаешь, нам не помешает дополнительная анестезия? – ухмыльнулась я.

Марина заговорщицки кивнула:

– Не знаю, как тебе, а мне не помешает точно, – заверила меня она, делая мне укол.

Я поднялась и достала, после некоторых раздумий, из холодильника бутылку вина с надписью «Альдзеро, 2000 год» на этикетке.

– У, хорошее вино! – воскликнула Марина, делая большой глоток.

Я тоже налила себе немножко. О том, что это за вино и насколько оно «хорошо», я предпочла умолчать. Мы посидели, выпили. Потом Марина написала, что и как мне пить после того, как она уедет. Я порезала на тарелку весь сыр, который у меня имелся в холодильнике. Есть хотелось, признаться, уже изрядно. Учитывая, что я до занятий спортом полтора часа не ем, а занятия спортом затянулись сегодня практически до вечера, я не ела долго.

– Тебе нужен хлеб? – спросила я. – У меня, кажется, был бездрожжевой.

– Господи, как же ты живешь? Неудивительно, что ты такая тощая.

– Не думала, что это плохо, – пожалала я плечами.

Марина кивнула:

– Мне бы тоже пару килограмм сбросить.

– Пару? – подняла я бровь. – Надо быть самокритичнее.

– А с другой стороны, зачем? – спросила она, широким жестом разливая вино по бокалам – до краев. – Ну, похудею я. Ну и что? Не помолодею же? И от тебя этим не избавлюсь, и мучиться придется. Нет, я поесть люблю. И разве я так уж плохо выгляжу для своих лет? Вот сколько ты мне дашь на вид?

– На вид? – растерялась я.

Опасный вопрос. Свинтусу сорок девять, и, признаться

честно, она выглядит вполне на этот возраст.

– Лет тридцать... пять?

Марина рассмеялась:

– Врешь!

– Не-а! – Я помотала головой и постаралась не цепляться взглядом к тому, как быстро и какими большими глотками Марина пьет вино. Она же, кажется, была за рулем? Впрочем, женам глав следственных комитетов все можно. Как и их любовницам.

– Ты его любишь? – вдруг спросила она.

– Кого? – Я поперхнулась и пролила часть вина из бокала на пол.

– Васю, – спросила Марина серьезно.

Она уже явно немного захмелела и была вполне готова, как мне показалось, благословить меня на счастливую и долгую с ним жизнь. Хорошая все-таки она баба, но какая ж глупая! Я расхохоталась.

– Нет, конечно. Ну ты и сказала. Люблю! При чем тут любовь?

– Нет? – Марина рассмеялась тоже, и мы чокнулись. – Тогда выпьем за любовь?

– Выпьем! – кивнула я.

– Ты можешь от него уйти? – наконец спросила она.

Вот и он, вопрос вопросов. Как объяснить Марине, что это ей ничем не поможет? Как объяснить так, чтобы она поняла, что выбора нет ни у нее, ни у меня.

– Кто это? – вдруг замерла она.

Я прислушалась и тоже услышала какие-то знакомые шорохи. В двери поворачивался ключ. Ключ от моей квартиры был только у Свинтуса. Значит, за дверью в эту самую минуту стоял он. А у меня тут на кухне сидит его захмелевшая жена? Положение! Интересно, почему он до сих пор не в квартире? Видимо, Марина, когда возвращалась из аптеки, закрыла дверь на щеколду. Значит, ключом не открыть.

– Это кто? – тихо повторила вопрос Марина.

– Это твой муж! – одними губами пробормотала я.

На лице Марины тут же отразилась такая ужасная, жуткая гримаса – паника вместе с отчаянием, – что стало понятно: нужно что-то делать.

– Он не может быть в Москве! Он в Лондоне!

– Значит, тут Лондон! – фыркнула я, при этом хватая ее бокал и тарелку.

Я действовала быстро, соображая на порядок лучше, чем Марина. Бокал под воду, остатки сыра – в помойное ведро. Оглянулась, что еще? Сумку сунула Марине в руки.

– Что ты делаешь?

– Ты хочешь с ним увидеться? – спросила я.

Марина побледнела и замотала головой так, что ее пережженные волосы взлетали над ушами. Свинтус уже начал трезвонить. Нервничал. Знает, гад, что я не запираю дверь на щеколду. Думает, что у меня любовник. Сейчас будет орать и краснеть, потом придется замерять давление. Вот черт, что

его принесло, не понимаю?

– Он меня убьет! – прошептала Марина.

– Меня тоже. Обе попадем. Иди за мной, только тихо, – пробормотала я, хватая Марину за руку. Мы тихо-тихо, крадучись, проскользнули в комнату, которая условно называлась моим кабинетом. Хотя никто не смог бы сказать для чего мне, иждивенке со стажем, нужен кабинет. В кабинете был стол, компьютер, покрытый пылью принтер, будуар и огромный зеркальный шкаф-купе. Фактически эта комната являлась моей гардеробной. Шкаф был реально большой. В таком «гробу» можно похоронить любые секреты, не то что припрятать на время вполне компактную жену товарища Свинтуса.

– Сиди и не жужжи, – шикнула я на нее и закрыла ее дверцей на рейлинге. Последний короткий взгляд по сторонам, затем я сгорбилась, поправила на себе разрезанную на спине футболку (это, кстати, потребовало от меня определенной ловкости) и застонала.

– Иду-у! Какого лешего, у тебя же есть ключи!

– Да что ты говоришь?! – раздался возмущенный громогласный раскат из-за двери.

Я потопталась еще минутку-другую, потом изобразила одышку и открыла наконец дверь. При виде разъяренного Свинтуса я невольно почувствовала неприятную волну страха. Мысль о сидящей в шкафу Марине меня нервировала. Ситуация была – дебильнее не придумаешь. Ладно бы дей-

ствительно прятала мужика. Но нервничать, что любовник найдет в твоём шкафу свою собственную жену – что может быть более странным. Однако, как там ни крути, со Свинтусом шутки плохи.

– Ты что, издеваешься? – заорал он прямо с порога. – Ты почему полуголая? Ты что тут делаешь? Трахаешься?

– Затрахалась я уже, – простонала я. – До того дотрахалась, что пришлось «Скорую» вызывать. Ой, только не трогай меня! У меня блокада.

– Что? – замер в изумлении Свинтус.

Я прошлепала на кухню, двигаясь крайне медленно, жалостливо, но изящно. Свинтус, все еще полный недоверия, двигался вслед за мной. На кухне его ждали остатки ампулы этой штуки на «Д», которую Марина принесла из аптеки, несколько пачек с таблетками и ее рецепт. Я запоздало перепугалась, что Свинтус опознает почерк жены, но он, слава Аллаху, на бумагу даже не посмотрел. Грубым движением он сдернул с меня футболку, озадаченно прикоснулся к месту укола, там, где еще даже ватка осталась.

– Ай! Ты свихнулся? Больно же! – вскрикнула я, хотя больно-то уже мне не было. Все почти прошло.

– Ну-ка, ну-ка, – он поднял взгляд выше, прошелся пальцами по позвонкам.

Я еще раз вскрикнула. Но дело было сделано. Свинтус сел на стульчик, взял вино, отхлебнул прямо из бутылки и спросил.

– Что случилось? Нужен врач? Давай я вызову ребят. Тебе стоять-то можно?

– Можно, можно. Полный покой, никаких тяжестей и больше нельзя заниматься йогой. Это называется люмбаго.

– Это называется полная херняга, – бросил Свинтус, явно успокоившись. Главное, чтобы никто не позарился на принадлежащую ему женщину. А уж как чинить любимую игрушку – это он придумает. На то и голова.

Глава 4, в которой я провожу операцию «Альдзеро» (1000 \$ чистыми)

То, что Свинтус был грубияном, еще не делало его плохим человеком. Кто такой и что такое – мой Свинтус? То есть не такой уж он и мой. Но не важно. Наш Свинтус – когда-то красивый мужчина, с сильными руками и с почти пропавшей с годами шеей, педант и грубиян с несколько отекившим лицом, зато в прекрасном, идеально чистом костюме – Свинтус был самоуверенным козлом, самовлюбленным, полным снобизма и шовинизма, собственником и дуболомом, но это тоже не делало его плохим человеком. Большая часть стоящих хоть чего-то мужчин, которых я встречала, все поголовно были шовинистами и козлами. Они были уверены, что мир крутится исключительно ради их удовольствия, они презирали женщин так же сильно, как и хотели над ними властвовать. Свинтус не был чем-то выдающимся, он был вполне таким, как все, в духе времени. Если что-то происходило не то, что он считал правильным, он начинал кричать.

– Какого хрена ты вообще выдумала заниматься этой дрянью? Жить надоело? – высказался Свинтус наконец, рассматривая мое почти обнаженное тело. Не без удовольствия. Я бы, конечно, должна была встать и одеться, чтобы не да-

вать ему такого удовольствия. Но доступ к шкафу был крайне ограничен, так что я сидела и дулась.

– Значит, это все, что ты можешь мне сказать?

– А что я должен сказать? Молодец, Люлька?! О чем только ты думала? Все эти ваши дурацкие кренделя небесные! Я всегда был уверен, что все эти ваши фитнесы вредны и опасны для здоровья.

– Знаешь, мне сейчас и так плохо. Мне на фиг не нужно твоих комментариев! – возмутилась я.

– А ты лучше послушай, что тебе умные люди говорят! – Свинтус допивал мое вино из бутылки.

Он скинул ботинки и пошевелил пальцами в дорогих носках. Я начала беспокоиться, что он пришел, чтобы остаться. Кто же пьет посреди рабочего дня? Впрочем, многие пьют.

– Слушай, умный человек, мне плохо, мне надо отдыхать, лежать. Ты мне только хуже делаешь. Я вообще бы сейчас пошла поспала.

– О, это идея. Пойдем, поспим! – усмехнулся он.

Я начала чувствовать, что зверею. Только не хватало мне сейчас с ним сексом заниматься. При живой-то жене в шкафу!

Я нахмурилась.

– Это все, о чем ты можешь думать? О том, как меня трахнуть? А ты вообще-то сейчас не должен быть на работе?

– Да ладно тебе, я просто ляпнул, – мирным тоном проговорил он. – Просто ты такая эротичная в этой футболке,

с уколом на спине.

– Эротичная! – взвизгнула я, даже близко не собираясь мириться. – Я лежала на полу, не могла пошевелиться больше двух часов, а ты гогочешь и шутишь. Мне, скорее всего, теперь предстоит длительное лечение. Мне нужен уход, а ты только посмеиваешься? Все, у меня дела.

– Месячные пришли? – разозлился Свинтус. – В третий раз за месяц?

– Ты издеваешься? – Я вскочила, потом согнулась, простонала и села обратно.

На глазах у меня выступили слезы. Я посмотрела в окно. Мы молчали минут пять, потом Свинтус подсел ко мне поближе и положил руку на коленку.

– Люляш, тебе до сих пор больно?

– А ты как думал? – я всхлипнула и прижалась лбом к его плечу. От этого жеста, который воплощал в себе самую главную женскую мечту о мужском плече, к которому можно прислониться, Свинтус всегда таял. Чувствовать себя большим и сильным он любил.

– Ладно, ну и чего ты хочешь, принцесса? Что я могу сделать? Чем тебе помочь? – наконец он заговорил правильно. Тон обеспокоенный, выражение лица внимательное и заботливое.

Самая первая задача – сплавить его куда-нибудь. Это архиважно! Я еще чуть-чуть прослезилась. Умение вовремя заплакать дорогого стоит.

– Не знаю. А ты вообще сегодня свободен? Ты можешь со мной остаться? – всхлипнула я.

– О, Люльчик, я не знаю. Я вообще-то заехал переодеться. У меня встреча важная.

– Понятно... – обиженно протянула я и надула губы.

Не подумайте плохого, я вовсе не пыталась уговорить его остаться. Так уж устроены мужики. Если умолять их побыть еще хоть полчаса, они тут же убегают, ссылаясь на занятость. Но стоит вызвать у них подозрение, что они не очень-то и желанны, что без них, наоборот, будет хорошо – они останутся навеки, положат ноги на стол и будут портить нервы бесконечно.

– Что? Что тебе понятно? Я вообще-то деньги зарабатываю. Которые ты очень даже любишь тратить.

– Я все понимаю, – еще более холодно сказала я. – Конечно, тебе не до меня. Умирать буду – позвоню. Иди, ты свободен.

– Знаешь, с тобой тяжело.

– Естественно. Теперь я еще и толстая?! Я плохая, да?

– Я этого не говорил. Люль, может, тебе чего-то привезти? Я... мне нужно только часа три-четыре, и я вернусь. Кстати, врача-то вызвать?

– Не знаю. Ничего я не хочу.

– Так, не капризничай. Сейчас тебе лучше? Ты давай, действительно, иди отдыхай. А я подумаю, где и как тебя лечить.

– Не надо. Не бери в голову, я сама... пойду к специали-

сту. В поликлинику по месту жительства, – патетично бросила я. Поза и выражение лица – мы гордые, мы «жена декабриста», нам от вас ничего не надо.

– Ага, конечно, – рассмеялся он. – Я так и вижу тебя в очереди. Да тебя старушки порвут на куски, как только увидят.

– А что во мне не так?

– Все в тебе не так, Люлька. В таких тряпках, которые ты покупаешь, да с твоими ногами – тебя начинают ненавидеть, едва только ты заходишь в помещение.

– Ну спасибо. Я и подумать не могла, что я такая страшная, – надулась я.

– Страшная? – Его лицо исказила странная усмешка.

Он снова положил руку мне на коленку. Я сбросила его руку и отвернулась. Я вполне допускаю, что Свинтус на самом деле меня любит. Последний шанс – он трудный самый. Когда он думает, что я его не вижу, его глаза горят страшным огнем – ядерный реактор в живом мужчине средних лет. В такие минуты мне становится жутко. Такая любовь, как у Свинтуса, вполне может закончиться для меня ледяной зимой. Если не быть осторожной, а я очень, очень осторожна. И все же у меня в шкафу его жена.

– Сегодня я уже не готова ни к какой медицине, – перевела я тему.

Свинтус встрепенулся и оживился.

– Так чего ты хочешь? Заказывай. Все привезу. Сегодня – можешь просить все, что угодно.

– Ты выпил мое вино, – строго сказала я.

– Вино? Ну, ладно тебе. Жадничаешь?

– Привезешь мне мое «Альдзеро»? – Я надула губки и провела рукой по его щеке.

Свинтус вздохнул. Я нежно улыбнулась и чмокнула его в щечку.

– Значит, опять «Альдзеро»? – Свинтус огорченно отвернулся.

Попался, голубчик. Но за базар надо отвечать, сказал – надо делать. Надо покупать. «Альдзеро», урожая двухтысячного года, вино, которое я ему заказала, стоило почти штуку баксов за бутылку. Между нами считалось, что это – мое самое любимое вино. И даже не самое, а вообще единственное, которое я соглашалась пить. Только это вино, только этого года. Такая я вот капризуля. А во всех остальных случаях, если мне предлагалось что-то другое, я пила воду и устраивала истерики. Иногда мне удавалось вытрясти из Свинтуса до пяти бутылок «Альдзеро» в месяц. Бесил его такой мой привередливый вкус страшно, но, будем честными, его во мне вообще много что бесило.

– Мне сказали, что вино мне полезно. Нужно для крови, – добавила я, порадовавшись внезапной находке. Что ж я раньше этот аргумент не использовала?

– Что эти козлы со «Скорых» понимают! Это не врачи, а неудачники! – рявкнул Свинтус.

Понял мой ненаглядный, что с вином теперь придется все

время разбираться. Я предполагала, что через какое-то время Свинтус все же откажется играть в мои жестокие игры и придется изобретать новые схемы. Но пока что он еще был щедр, и этим нельзя было не пользоваться.

Зачем я это делала? Почему именно «Альдзеро»? Что это вообще за капризы? Поймите правильно, вся моя жизнь – с ночи до утра и обратно – это тот же самый рабочий процесс. Это бизнес, это коммерция. Кто-то идет с утра на работу в офис, кто-то копает канавы, кто-то лечит людей. Я живу со Свинтусом, и это мой бизнес. Чтобы все стало окончательно понятно, я скажу, что меньше часа назад Свинтусова жена Марина восхищалась не настоящим, а поддельным вином «Альдзеро». Подделала я его сама.

Свинтус часто говорит, что бизнес должен быть социально ответственным. При этом он имеет в виду, что ответственность у бизнеса возникает перед очень узкой частью социума, конкретно – перед ним, перед Свинтусом. И если социальной ответственности не хватает, Свинтус идет и беспощадно борется и карает очередного коррупционера, с которым не удалось договориться по-хорошему.

Но я лично считаю, что прежде всего бизнес должен быть прибыльным. Бизнесом с «Альдзеро» я более чем довольна. Инвестиции были – всего ничего. Несколько сохраненных пустых бутылок, напольный закупориватель для корковых пробок, запас самих пробок (их легко купить) и полиэти-

леновых внешних пробок, которые я снимаю с дешевых до неприличия бутылок молдавского вина – они так неплотно прилегают, что слетают в минуту. Вот и все вложения. В качестве наполнителя – массандровский «Ай-Серез». Свинтус их не различает, да и жена его, как теперь получается, тоже вполне полюбила это дешевое, терпкое, густое винцо.

Примерно раз в месяц я устраиваю в одном арендованном мной для этих целей гараже кружок «умелые руки». Результат впечатляет. Отличить подделку от оригинала легко и просто, если хотя бы приглядеться к горлышку бутылки. Но меня это не пугает. Свинтус срывает обертки, ни на что не глядя, а вино он вообще-то терпеть не может, предпочитая более крепкие напитки.

Так что дальше все просто. Второй этап этого бизнеса заключается в том, чтобы раскрутить Свинтуса на приобретение как можно большего количества этого «самого любимого, единственного и неповторимого» вина моей мечты. Пять бутылок, попадая в мой дом, оказываются тут же заменены на подделки, которые моментально распечатываются и выпиваются (или частично выливаются в унитаз). Самый сложный этап для меня был – третий, и на его организацию ушло приличное время. Но в итоге мною был найден интернет-магазин элитных вин, хозяин которого согласился забирать у меня по пять бутылок этого вина в месяц, при условии, что ему они обходились вдвое дешевле – в пятьсот долларов. Пятьсот на пять – две с половиной тысячи чистыми в месяц,

иногда даже больше. Бизнес был хорош, а что насчет социальной ответственности – знаете что, я же свои подделки не в магазины поставляла. Пила и давилась сама. Разве только иногда вместе с женами любовников. Я вообще-то малопьющая, так что вреда от моей подмены не было никакого.

– Купишь, зайчик? – нежно повторила я, и Свинтус обреченно кивнул. Я про себя хлопнула в ладоши.

– Куплю даже две, раз ты такая бедняжка. А шоколада или там апельсинов тебе не надо?

– Я бы могла съесть тирамису, – протянула я после некоторого раздумья. Тут уж, извините, никакого бизнеса. Сладкое я люблю, хоть и позволяю себе его крайне редко. Но сегодня был как раз такой редкий день.

– Ладненько, ты отдохай, а я потом к вечеру тебе перезвоню, как все дела закончу.

– Ты останешься на ночь?

– Ну, конечно! Разве я могу тебя бросить в таком состоянии! – возмутился он.

Я поняла, что мое слабое, болезненное, беззащитное состояние ему нравится. Надо будет иметь в виду.

– Отлично. Принесешь мне телефон? Он в машине, я его забыла. Ладно? – простонала я, вставая со стула. Свинтус подался вперед, кивнул и пошел в комнаты.

– Ты куда? – непроизвольно взвизгнула я.

– Мне нужна чистая рубашка, – пробормотал он, набирая на своем мобильнике какой-то номер. Он был сосредоточен

и погружен в себя, поэтому не заметил, как я побледнела. Преодолевая придуманную невыносимую боль, я в мгновение ока пересекла гостиную и встала перед ним.

– А я их еще не все в химчистку отдала.

– Почему? – спросил он. – И вообще, почему у тебя такой срач?

– Ну, не знаю. Мне кажется, у меня все хорошо.

– Ты знаешь, я не понимаю, за что я плачу твоей домработнице! Если она до химчистки не может прийти. Да и ни черта не умеет убираться. – Он говорил громко, глядя по-прежнему на экран телефона.

Все его чертовы рубашки висели в шкафу, в кабинете, как раз там, где сидела его жена.

– Я просто не умею так строить людей, как ты.

– Так дай я с ней поговорю, – предложил он с энтузиазмом. Как ни крути, строить людей – это его самое любимое занятие. – Бабы людям мозг вправлять не умеют.

– Нет уж. Если ты ей станешь мозг вправлять, тогда она вообще от меня сбежит. А мне не хочется еще чужих людей в дом пускать. Я еле к ней привыкла.

– Ну, как знаешь, – ухмыльнулся Свинтус. Он думал, что я ревную его и поэтому не хочу знакомить ни с подругами, ни с домработницей. Наивный! Впрочем, я много сил положила, чтобы он думал именно так. – Так в чем мне идти?

– Иди за моим телефоном, а я пока поищу тебе хорошую рубашку. У меня в шкафу свалка, все валяется. В самом де-

ле, я отчитаю эту бездельницу обязательно! – Я проговорила это все громко-громко, чтобы хоть как-то дать Марине понять, что сейчас произойдет.

– Мне нужна серая, матовая, – привередничал Свинтус. – Дай я посмотрю.

– Нет! Серая грязная. – Я встала между ним и шкафом.

– Люля, ты ошалела? Она мне нужна, серая! – взбеленился он. Все было хорошо в Свинтусе, кроме этой его маниакальной склонности к чистоте и своему «шикарному» внешнему виду.

– Не кричи на меня! – взвизгнула я. – Я что, не могу подобрать тебе другую рубашку? Ты хочешь сказать, что у меня нет вкуса? Ты достал.

– Ты что-то сейчас сказала? – набычился он.

Я поняла, что перебираю.

– Ты будешь в этом галстук? Или галстук тоже поменять?

– Отстань, я сам, – пробормотал Свинтус, отодвинул меня в сторону и подошел к шкафу. – Алло, Николай? – спросил он кого-то в трубке. – Вы на месте? Я уже выезжаю. Да, тут пробка.

Итак, я проиграла битву прямо на последних подступах к баррикадам. Свинтус закончил разговор и отключился. Разговор со мной также был окончен. Больше я ничего сделать не могла. Тут он открыл шкаф.

Я не знаю, из-за чего я в самом деле так распереживалась. Еще утром я слыхом не слыхивала о Марине, свинтусовской жене. И какие у меня были причины за нее переживать? Отчасти, конечно, можно было подумать, что я волновалась за то, как я это все объясню. Как объяснить мужу присутствие его жены в шкафу? С другой стороны, я всегда могла соврать, что она меня запугала. Я могла разрыдаться. Могла сказать, что она угрожала мне плеснуть в лицо кислотой. Могла выдумать все, что угодно. И Свинтус – я не сомневалась, – услышав все это, развеял бы по ветру прах своей жены. Дело в том, что она для него вообще уже давно была как кость в горле. Откуда я это взяла? Не придумала ли я все это, чтобы подвести хоть какую-то моральную основу под свое вероломное поведение? Как это часто бывает, не сижу ли я одна и не рассказываю ли самой себе сказки о том, что мой любовник живет с женой только из-за... ребенка, болезни, имущества, родителей, по старой памяти... С чего я решила, что он терпеть не может свою жену?

Когда по вечерам он оставался у меня, чему я, кстати, не могу сказать, чтобы была рада, мы становились намного ближе друг другу. Он вешал на спинки стульев свои пиджаки, раскладывал по полкам и столикам свои вещи. Ванная комната наполнялась его запахами, зеркала забрызгивались, появлялись пушистые кляксы пены для бритья. И еще – он со мной говорил. Рассказывал о жизни, о трудовых буднях борца с коррупцией, о непроходимой тупости своих товарищей,

о их фантастической жадности, о глупости терпил, социально безответственных бизнесменов разного пошиба.

И еще он говорил о жене и дочери. О второй – ласково и с некоторой долей гордости, демонстрируя фотографии и рассказывая о том, как однажды она упала с квадрацикла и разбила губу, так что теперь придется девочке делать пластическую операцию, лучше бы в Лондоне.

О первой – совсем по-другому. Когда он произносил имя жены, на его лице появлялось усталое и немного брезгливое выражение. К примеру, он говорил:

– Опять она мне что-то такое скормила, от чего у меня теперь поджелудочная болит.

– Она плохо готовит?

– Да она вообще ничего не умеет хорошо делать. – И вздыхает.

Или рассказывает, что замотался цепляться брючинами за ее розы, которые она развела в огромном количестве.

– Просто миллион алых роз, – усмехался он.

Из его комментариев, досадливых, раздраженных или грубоватых можно было понять, что жена его недалекая, некрасивая, ненужная и еще тысяча других «не». И заметьте, я никогда не провоцировала его на эти разговоры, не задавала наводящих вопросов. Наличие такой незаметной и неопасной жены меня устраивало, знать больше я не хотела. Разве что иногда, когда он приходил в своем самом непотребном виде, я могла про себя подумать, что в таком состо-

нении он мог бы и к жене отправиться, а не ко мне. За что это мне, в самом деле? В пьяном виде он был ужасен. И при этом считал, что выпивка как-то усиливает его мужские силы. Вранье, заявляю официально. Полнейшая чушь. Пьяный мужчина, как тупые ножницы, может хоть сколько вжикать, но ничего не разрежет.

В общем, если б я выдала его жену со всеми потрохами, мне бы за это ничего не было. Это могло оказаться для меня делом безопасным и, возможно, даже прибыльным. После такой истории с кислотой Свинтус бы мне, может, оплатил полет в какое-нибудь приятное место, исключительно для лечения и поправки нервов. Но я побледнела, когда большая волосатая рука Свинтуса раздвинула двери шкафа-купе. Я готова была провалиться сквозь землю.

– Нет, Люля, ну это ни в какие ворота. Ты издеваешься? Тут что, Мамай прошел? Я за эти тряпки кучу денег платил, ты ошалела? – Он верещал, изумленно оглядывая перевернутую вверх дном одежду с полок и вешалок.

Я на мгновение потеряла дар речи – такой кавардак открывался передо мной. Платья, куртки, свитера и пиджаки свисали на рукавах, вешалки упали, внизу валялась куча моих платков и стопки постельного белья. Я была в шоке, такого побоища я не видела никогда. До меня медленно дошло, что под грудями шмоток закопана она, моя новая знакомая с легкой рукой и аптечкой в кармане. Я прыгнула к шкафу,

выхватила оттуда упакованную в целлофан вешалку с серой рубашкой и захлопнула шкаф.

– Я ее уволю, клянусь. Найму другую. Вот твоя рубашка, я ее, оказывается, уже почистила. – И сунула ему в руки вешалку.

– Юля, я не позволю спускать в унитаз мои деньги. Мне все равно. Если не умеешь договориться с прислугой, учись не мусорить и не гадить.

– Ты... ты... – Я не придумала ничего лучше, как разрыдаться.

Я бросилась в гостиную и принялась биться в конвульсиях, крича, что раз я, по его мнению, гажу, то обида моя будет глубока и неисцелима. Потом я начала резко куда-то собираться, прямо в чем была (тренировочные и бюстгальтер Blugirl, 200 \$ США), накинув только курточку сверху. Я вырывала у него сумку и стонала, он кричал, что не позволит мне выйти из дому в таком виде и вообще ни в каком виде не позволит мне никуда выйти. В конечном итоге он, краснея от ярости, отобрал у меня паспорт, права, ключи от машины и все наличные деньги – чтобы лишить аргумента.

– Я вернусь через пару часов, – крикнул он, натягивая серую рубашку. – Тогда и телефон принесу. Тебе надо успокоиться.

– Я спокойна! Мне все равно! Мне не нужны твои деньги. И машина не нужна.

– Конечно. Ага! Спокойна она, как бешеная корова.

– Ты назвал меня коровой? Ты... Убирайся!

– Ты меня не так поняла. Я имел в виду... – зашелестел испуганный Свинтус.

– Все я правильно поняла. Ты действительно считаешь, что я толстая? Кошмар. Видеть тебя не хочу. Мир не без добрых людей. Не пропаду! Не смей появляться, пока я не похудею.

– Сдурела? Куда тебе худеть? – тут же исправился Свинтус, но меня уже было не остановить.

В итоге он позорно сбежал и при этом матерился так, что было слышно даже в лифте, когда тот спускался. Я успокоилась, едва звукидвигающейся кабины отдалились от меня и стихли. Подскочив к балкону, я аккуратно высунулась наружу и дождалась, пока машина Свинтуса (новая, красивая) не пересекла наш двор и не уехала, чуть не свернув шлагбаум. Я улыбнулась.

– Марина!

– Ушел? – раздалось сдавленное шипение из глубин моего потерпевшего бедствие и кораблекрушение шкафа. Гламурный корабль на измятом парусе из брендовых тряпок прибыл-таки в спокойную гавань.

– Да, да. Можешь не шипеть, машина уехала. Пару часов его не будет.

– Вот это театр абсурда! – уже громче выдавила из себя Марина.

Я открыла дверцу шкафа и выкопала Марину из-под кучи

тряпок. Вид у нее был – умереть не встать. Лохматая, потрепанная, с красным лицом. Видать, не так уж и много воздуха в моем вентилируемом шкафу. Пот так и тек по ее лицу, она тяжело дышала.

Мы в немом изумлении таращились друг на друга. Потом, не сговариваясь, расхохотались. Марина так и сидела, хохоча, на куче моего белья, а в руках держала... м-м-м... как бы сказать поточнее, камуфляж горничной, состоящий из фартучка, юбочки, чулков и кокошничка. Только куплена была эта униформа не для того, чтобы трудиться на поле стерилизации помещений. Есть и другие приложения у костюмов горничной, медсестры или стюардессы. Свинтус любил горничных больше, чем медсестер. Он особенно полюбил этот наряд и эту игру после того, как уверился в том, что я ревную его к домработнице.

– Ну что, опять проштрафилась, малышка? – спрашивал он, глядя на мои, прямо сказать, длиннющие ноги, облаченные в белоснежные чулки.

– О, простите, господин, – отвечала я, поворачиваясь к нему спиной и смахивая специальной щеткой пыль с книжной полки. Трюк, приводивший Свинтуса в неистовство.

В руках его жены атрибуты моей трудовой жизни смотрелись нелепо. Я бросилась к ней.

– Ты зачем это вытащила? – Я забрала свою униформу из рук Марины так, словно бы это была бомба замедленного действия.

– Он так кричал. Ты его совсем не боишься?

– Я? Ну, боюсь, конечно, – заверила ее я. – Вообще-то Свин... то есть твой муж – он опасный человек.

– Я думала, он тебя ударит.

– Это вряд ли, – усмехнулась я. – Он бы и хотел, но...

– Вы поругались конкретно, – сказала она, и в голосе ее звучало некоторое удовольствие.

– Ну да, конкретно. Он побежал за вином.

– Как ты это делаешь?

– Что?

– Крутишь им?

– В двух словах не объяснишь, – пожала я плечами.

Это, кстати, правда. Умение управляться с мужчинами – дело сложное и требующее изучения как теоретического, так и практического. Кроме того, как и в любом деле, к этому нужно иметь некоторую природную склонность, некоторый талант, которого, как я могла уже с уверенностью сказать, у Марины не было.

– У тебя не осталось вина? – спросила она, вернувшись в кухню.

Я вздохнула и пошла за новой бутылкой поддельного «Альдзеро». Чтобы Марина не повредила ни этикетку, ни бутылку, я сама открыла ее и наполнила ее бокал.

– А ты? – спросила она, и взгляд ее был умоляющим.

– А мне уже хватит, – честно призналась я. – Думаю, тебе

лучше уйти. Он может и раньше вернуться.

– Мне кажется, он ушел в такой ярости. Деньги отобрал! Может, он и не вернется вообще.

– Вернется. Это у нас такие... эротические игры. Он боится, что, если мне оставить деньги и машину, я могу на пару недель исчезнуть. Такое уже было.

– Ты сумасшедшая, – сказала Марина. В ее голосе прозвучали нотки восхищения. А может, мне просто показалось?

– Ладно, рада была познакомиться и все такое. Можешь забрать бутылку с собой. Главное, выходи из подъезда осторожнее. Мало ли что. Ну и... береги себя.

– Ты тоже.

Марина стояла в прихожей, усталая и прилично пьяная. Я постаралась не думать о том, как она поведет машину. Мелькнула мысль о том, чтобы вызвать трезвого водителя, что было дорого, долго и опасно. Тогда я позвонила нашему дворнику Тимофею, спросила у него, нет ли у них водителей. Оказалось, что Тимофей и сам не против подработать.

– Спасибо, – запоздало вспомнила я, – спасибо за укол.

– И тебе. Спасибо за все. Спасибо, что не сдала.

– Будем жить дальше?

– Будем жить, – кивнула она. – Будем прозябать.

– Слушай, тебе нужно обязательно поменять краску для волос, – сказала вдруг я зачем-то. – Эта тебе не подходит.

– Но это дорогая краска, – возмутилась Марина. – «Гарнье»!

– Ты что, пользуешься красками из супермаркетов? – ахнула я. Не зря мне показалось, что краска жуткая. – Они же все переокисленные, слишком концентрированные.

– А чем пользоваться?

– Ну... бери хотя бы Colorica, это итальянская краска, профессиональная. Вообще, лучше пойди в салон, пусть тебе все подберут.

– Да ладно, мне все равно. – Она пробормотала это себе под нос, еле слышно. Пришел лифт, она зашла в него, не слишком-то уверенными шагами. Тимофей терпеливо ждал во дворе. Я подошла, чтобы нажать на кнопку, а Марина вдруг подняла на меня глаза и сказала: – А я никогда не играла в такие игры. Никогда.

– Ты о чем?

– Ни в эротические игры, ни в ролевые, ни в какие!

– Ну, ты же жена, – успокоила ее я. – Женам не положено.

– Почему?

Было странно, что спросила она об этом с сожалением. Нет, все же эта Марина вызывала у меня странные чувства. И самым странным из них было возникшее из ниоткуда чувство беспокойства за нее.

Я вернулась в квартиру, прикрыла дверь и принялась убираться. Еще одна часть моего бизнеса была выражена в том, чтобы зажимать себе зарплату, предназначенную домработнице. Убиралась я не бог весть как и мастером в этой области не была, но пара лишних тысяч в месяц ложилась на мои

счета в банке, и ради этого я была готова помахать веником и шваброй. Главное, чтобы за этим делом меня бы не поймали. Работа есть работа. Спина потихоньку снова начала ныть, и я пошла выпила таблетку, прописанную Мариной. Определенно, придется идти и лечиться. Как бы так обернуть все это дело, чтобы зажать немного денег и тут?

Глава 5, в которой я использую комплект № 4 (800 \$ США)

То, что произошло, – самое странное, пожалуй, во всей моей жизни. Я не о встрече с Мариной у меня дома, а о том, что было потом. И ведь, положила руку на сердце, со мной происходило предостаточно странных событий. Вся моя жизнь – это калейдоскоп несуразностей и нелепостей. Само мое рождение, странный программный сбой, генетическая ошибка, поместившая меня в чрево моей матери, именно меня, именно к ней, стало началом странностей в моей жизни. Некоторые из них – хорошие, некоторые – сомнительные. Большая часть неприятная, неожиданный удар в спину, ураган, выметающий все самое важное из моей жизни. Я о переломах, конечно же. В нужном месте, в нужное время. Ладно, нельзя мне об этом думать, не стоит. Когда я думаю о том, какая должна была у меня быть жизнь, я кусаю губы в кровь и хочу кому-нибудь набить морду. Но кому? Судьбе-то ее не набьешь, у нее и морды нет. И потом, у нее вся колода крапленая, все козыри в руках, с ней лучше вообще не играть – здоровей будешь, это уж я усвоила. Остается только крутиться как хочешь. Занимать свое место под солнцем любой ценой. А что остается таким «везунчиком», как я?

Итак, нелепость. Мы с Мариной сидим в кафе, открытая застекленная терраса, из-за которого вид на храм Хри-

ста Спасителя, также просматривается другой берег реки. Мы молчим и потягиваем свой кофе, воздух прохладный и влажный, дышится легко, но в воздухе уже чувствуется суровое дыхание приближающихся холодов. Террасы закроют, солнце скроется до весны. Мы молчим, я ковыряю ложечкой в мятном десерте. Марина ждет пасту. Чуть теплые лучи осеннего солнца нежно ласкают наши лица, заставляя прикрыть глаза. Деревья на бульваре яркие, как в пластилиновых мультфильмах, а ветра совсем нет. Золотая осень.

Для чего мы тут сидим с Мариной – хороший вопрос. Мы встретились вовсе не для того, чтобы обсудить нашу «ситуацию», не для того, чтобы принять какие-то решения или бросить друг в друга какие-то обвинения. Мы встретились, чтобы провести вместе день. Маразм? Не то слово.

Марина позвонила мне примерно через неделю после дикого и немыслимого эпизода со шкафом. Я невыносимо скучала, лишённая привычной программы времяпрепровождения. Я нигде не работаю, не учусь, ничего не делаю и по большей части занята только тем, что ухаживаю за своим рабочим инструментом – за самой собой. Утро – два стакана воды с лимоном, горсть ягод (только свежие), биоёогурт, зарядка, прогулка, йога, отжимания, маски, массаж. Красивая женщина – это тяжёлая работа, по большей части скучная и однообразная. Ненавижу солярий, я люблю танцы и картины, интересные разговоры, премьеры спектаклей и большие шоу на свежем воздухе. Но все это мне почти недоступно.

но, так как Свинтус никуда ходить не любит и на все мои просьбы отвечает, насупив брови: «Посмотрим». Что в его случае означает «нет, никогда и ни за что». При этом отпустить меня на премьеры одну он тоже не считает возможным. Говорит, что бабам не положено таскаться в одиночестве. У Свинтуса, куда ни плюнь, «бабам не положено», чертов собственник. Теперь же, когда физические нагрузки были вычеркнуты из моей жизни и заменены таблетками и мазями, оханьем и лежанием на диване, я сидела целыми днями перед телевизором и уже начинала чувствовать, что теряю человеческий облик. Тут мне и позвонила Марина. Я отставила в сторону ведро с мороженым «Семифредо», чуть не поперхнувшись, когда услышала в трубке телефона ее голос.

– Юля, ты можешь сейчас говорить? – спросила она и выждала, пока я приду в себя.

– Марина? Да, могу.

– Его нет?

– Нет, – покачала я головой.

– Слушай, я хотела уточнить, в каком ты салоне волосы красишь. Помнишь, ты сказала, что мне надо поменять краску для волос. Вот я и подумала, что, может, ты мне посоветуешь хорошего мастера?

– Ну... надо подумать, – ответила я совсем по-Свинтусовски, ибо вопрос был непростой. Волосы спасти ей, конечно, нужно, но не давать же Марине, жене моего «спонсора», явки, адреса и пароли собственных мастеров. Что, если она

проболтается, кто она и кто я. И кто мы друг другу? Моя маникюрша, к примеру, один из немногих людей на этой планете, с кем я могу долго и с комфортом болтать обо всем на свете, в том числе о своем «муже», о проблемах с его пьянством, о том, как меня все достало... Она понятия не имеет, насколько он мне не муж. Как и массажистка, которая, на секундочку, делает массаж не только мне, но и Свинтусу. Что ж, теперь она еще и его жену будет обслуживать? То-то будет веселая история, дружная семья.

– Ты не волнуйся, мне только проконсультироваться хотя бы. Я скажу, что я просто твоя подруга... по поликлинике. Могу сказать, что я твой терапевт.

– Ну... пиши телефон, – решилась я.

Однако дала я ей только номер своей запасной парикмахерши, к которой я обращалась, когда не удавалось попасть к своему постоянному мастеру. После этого разговора прошла еще неделя или чуть меньше, но я, признаться, даже не была в курсе, сходила Марина к специалисту или нет, и вообще о Марине забыла. Я чувствовала себя уже получше, рентген в клинике, куда меня привел Свинтус, показал протрузию в одном диске (кто бы сомневался!), но прогноз был скорее обнадеживающий. Я даже снова стала делать зарядку, только очень осторожно.

И еще под соусом моей временной нетрудоспособности я также, можно сказать, взяла больничный на основной работе – я не занималась сексом со Свинтусом, отчего тоже на-

чала расцветать и наполняться жизненной силой. Если кто скажет вам, что мужчины в возрасте около пятидесяти не так уже неутомимы и уступают юным парням – не верьте. Взрослые мужчины способны заниматься сексом долго, методично, спокойно и без спешки, пока партнерша не начнет молить о пощаде. Перерыв – это было как раз то, что нужно.

– Что делаешь? – спросила Марина тоном старой доброй подружки. Эта игра начала меня несколько нервировать. С другой стороны, мне было не особенно весело, я сучала. А Марина явно не намеревалась создавать мне сложности.

– Сiju читаю.

– Что читаешь?

– Ульбека.

– А это кто? – спросила Марина.

Я ухмыльнулась, но ничего не сказала о том, какой он известный... и какой позор... Какой Свинтус, такая и жена, и я не вправе даже думать что-то плохое в ее адрес.

– Да так, романист. Скука одна, в общем. А ты как?

– А у меня теперь рыжие волосы.

– Да что ты, вау! – Я попыталась представить ее с рыжими волосами, но у меня не получилось. Я подумала, что рыжий тоже не слишком-то ее цвет. Рыжий хорош для юных субтильных девочек с белой кожей, он делает их оригинальными и утонченными. Но Марина – невысокая, полная, со следами своих немолодых лет на лице – должна была бы остановиться на чем-то естественном, на каштане или ореховом

оттенке, он бы ее сильно омолодил. Впрочем, вопрос в исполнении. Мне захотелось на нее взглянуть. Этот странный материнский инстинкт, откуда бы ему вообще взяться? Может, мне пора задуматься о биологических часах? Нет, только после того, как будет выплачена ипотека.

– Я сегодня была у твоего мастера, это просто супер. Мне нравится просто ужасно, только вот я не знаю, что скажет Вася. Он считает, что...

– Все бабы должны быть блондинки, иначе зачем химики перекись придумали, – продолжила я.

Возникла пауза, потом мы дружно расхохотались. Как ни крути, мы обе жили со Свинтусом, и фразы его, и жуткие похабные высказывания, это его «мнение» по любому вопросу, что, даже если он говорил о том, чего не знает, он все равно прав – все это было нам обоим хорошо знакомо. Мы могли быть эхом друг друга, одна из нас начинала фразу, а другая заканчивала.

– Мне плевать. Пусть орет.

– Ты ему скажи, что потом перекрасишься обратно, а пока что нельзя – полгода. Так он быстрее отвяжется.

– Да уж, ему не стоит ничего доказывать, – согласилась Марина.

Мы поболтали еще. Она рассказала, что ей на днях звонила старая подруга из больницы, где она работала. Что дочь приедет из Лондона только к Рождеству. Я рассказала ей, что мне нужно как-то придумать, как теперь качать пресс по-но-

вому, так как позвонок протружен именно там, где и нельзя.

– Вот откуда что берется? Веду здоровый образ жизни, не пью, не курю.

– А я и пью, и курю, – усмехнулась Марина.

Еще раз она позвонила следующим же вечером, причем когда я говорю «вечером», я именно это и имею в виду. Ее номер на моем аппарате (без имен и подписей) высветился, когда я лежала на диване и ждала Свинтуса – он отмокал в ванной. Было около одиннадцати, так что это вообще была уже скорее ночь. Увидев Маринин номер, я дернулась, поднялась, отошла к окну (на всякий случай) и прошипела:

– Ты что? С ума сошла?

– Прости! – пробормотала Марина нетвердым, но веселым тоном.

– Уже поздно, он мог увидеть твой номер.

– Не думаю, что он его помнит, – фыркнула она. – Он далеко?

– В ванной, – брякнула я, запоздало спохватившись, что эта информация может как-то Марину задеть или расстроить.

Но Марина не расстроилась.

– Отлично! – воскликнула она и продолжила: – Как думаешь, он у тебя еще долго будет?

– А что? Ты задумала ограбление и побег? – хмыкнула я. – Ищешь соучастников?

– Подельников, – согласилась Марина, и по ее тону я окон-

чательно убедилась, что она прилично выпила. – Слушай, а ты не могла бы мне позвонить, когда он станет собираться домой?

– Зачем? – нахмурилась я. Все это выглядело уже немного странным.

– Помнишь, я тебе рассказывала о подруге из больницы? Она ко мне в гости приехала, но Вася же ненавидит всех моих подруг, особенно из той жизни. Ты понимаешь?

Я понимала. Главное, чего хотел Свинтус от своих женщин, чтобы те: а) сидели, б) тихо. И желательно в полном одиночестве. Общение с другими мужчинами было исключено по определению, какими бы старыми и страшными те ни были. Даже Тимофей, наш дворник, нервировал Свинтуса, так как улыбался мне, когда здоровался. И кому какое дело, что Тимофей улыбается всем. Он просто вежливый парень.

– Чего этому черножопому от тебя надо? – бесился Свинтус.

– Он вообще-то русский! – поддевала я его, но Свинтус только пожимал плечами.

– Без разницы. Чего он пялится?

– Может, хочет чаевых?

– А в морду он не хочет получить? – злился Свинтус.

Я только отмахивалась от него и игнорировала дальнейшие претензии. Но я могла себе это позволить. Я была своевольная, нервная, истеричная молодая любовница с большими

ми запросами. Марина же – другое дело. Она, как горная вершина, была давным-давно покорена и освоена. Свинтус ее подавлял, навязывая свои правила игры. Подруги были запрещены, потому что они – самое страшное зло. Со мной было проще, у меня подруг не было. Я предпочитала как раз мужчин. А маникюрша не в счет.

– Понимаю. Но что я-то могу сделать?

– Я хочу, чтобы она осталась у меня на ночь. А то она за рулем, не может даже выпить толком, – пожаловалась Марина. – Мы сто лет не виделись. Если бы не Вася, мы бы с ней в сауну пошли. Утром бы еще поболтали, а потом я, может, с ней бы в больницу съездила.

– Ты хочешь, чтобы я удержала сегодня Свинтуса у себя? – ухмыльнулась я. – Честно говоря, я немножко в шоке.

– Знаешь, как я от него устала?! – воскликнула Марина.

Я могла себе представить и это. Я пообещала сделать все возможное, чтобы на работу Свинтус поехал от меня, не заезжая домой. Исходя из его последних разговоров по телефону, он домой и не собирался. В шкафу я убралась (Свинтус проверил и сказал, что все равно я должна оштрафовать домработницу, чему я, по понятным причинам, яростно сопротивилась), одежда для него была, а с утра ему предстояла встреча с каким-то очередным коррупционером неподалеку от моего дома, в ресторане. Следовательно, я могла и не прилагать больших усилий по его задержанию. На всякий случай я надела сексуальный комплект белья № 4 (красный

шнурованный корсет, красные чулки на подвязках), показала Свинтусу в таком виде со всех сторон и точек зрения, доведя его чуть не до истерики, после чего заявила:

– Это все станет твоим только с утра. До шести утра я запрещаю тебе трогать меня хоть пальцем.

– Ты издеваешься? – нахмурился он.

– Да! – согласилась я. – Зато после шести утра ты можешь делать со мной все, что только пожелаешь. Так-то, мой дорогой. Заводи будильник и спокойной ночи. Если не сможешь заснуть, можешь продумать в деталях, как ты меня покараешь за такое плохое поведение!

– Ну ты и сучка, – сказал он, однако выражение его лица стало мечтательным.

Свинтус эксперименты любил. С Мариной он увиделся только дня через три. Она с подругой получила весь необходимый «фан», включая поездку в больницу, посиделки в ресторане еще с тремя подругами, не включая первую, а также шопинг.

– Юлия, спасибо. Я не чувствовала себя такой счастливой уже лет пять.

– На здоровье, – пробормотала я. – С тебя причитается.

– О да! – согласилась Марина и пригласила меня на чашечку кофе.

Самое удивительное, что хоть нас и разделяли года, привычки, социальный статус и сама ситуация, нам было хорошо вместе, в этом кафе, с этими десертами, с пастой и болтов-

ней. Мы провели вместе около шести часов, и за все это время о Свинтусе слова не сказали. Мы говорили о тряпках, о новом цвете волос Марины, который я одобрила, но решила при случае все же подправить у моего постоянного мастера. Мы договорились на следующей неделе пойти вместе в СПА-салон, чисто расслабиться и привести себя в порядок. Потом мы пошли в «Лотте-Плаза», пошлялись по магазинам.

– Хотела бы я иметь такое тело, как у тебя, – вздыхала Марина, глядя, как я примеряю джинсы. – Хотя бы пресс.

– Такой пресс не запрещено иметь никому. Я вот решила купить специальный тренажер, раз уж мне нельзя качать пресс обычным способом. А ты можешь качать и по старинке.

– Ой, мне уже поздно! – махнула рукой Марина.

Иными словами, нам было комфортно друг с другом. Ведь обе мы были, по сути, зеркальное отражение друг друга (я не о прессе и ногах, конечно же). Мы были одиноки и несчастны, у нас обеих не было ничего, кроме своих цепей, да и цепи эти были – одни и те же, одни на двоих, и мы знали исключительно точно, каковы они. Насколько тяжелы и насколько невыносимы. Как громки крики, как грубы слова, как мало мы значим в жизни нашего мужчины, не больше муравья – раздавит и не заметит. Мы были чем-то вроде товарищей по несчастью и стали братьями по оружию. Вернее, сестрами. Содержанки, подписавшие между собой негласный договор, исполнение которого чем-то обогащает каждую сторону.

– Я хочу пойти в театр. Ты сможешь придумать что-нибудь, чтобы он вечером приехал домой? – попросила я ее. – Что-нибудь важное.

– Может, сказать, что у нас прорвало трубу? – после некоторых раздумий, предложила Марина.

– Пусть ее прорвет в пятницу к вечеру, ладно?

– Договорились, – ответила она.

Мы с ней прекрасно понимали друг друга. Должна признаться, что, несмотря на всю нелепость ситуации, эта странная противоестественная дружба меня даже радовала. Мне было с кем поговорить, не напрягаясь и ничего не разыгрывая. Мне давно уже был нужен кто-то, с кем я могла бы просто попить кофейку и поболтать. И от кого мне нечего скрывать. Ну, или почти нечего.

То, что я скрывала, было так далеко, что я и сама об этом иногда забывала. Но однажды (как водится, в один прекрасный день) на пороге моей квартиры возникла СИТУАЦИЯ, к которой я оказалась совершенно не готова.

И вот тогда-то и пришло время обратиться за помощью к Марине – к жене моего любовника, бывшей докторше, медленно спивавшейся в мертвенно-тихих стенах своего мраморного саркофага. Только она могла мне помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.